

ЧАСТЬ 5

Реликвии Константинополя

Составление и предисловие
А. М. Лидова

До Четвертого крестового похода и катастрофы 1204 г. столица византийской империи являлась признанным центром всего христианского мира. Этот высший статус поддерживался не только политическим авторитетом и военным могуществом, но, в первую очередь, количеством общехристианских святынь, собранных на протяжении столетий в Константинополе. В новую столицу на Босфоре императрица Елена посылает из Иерусалима своему сыну Константину величайшую реликвию Честного Креста. Сам император Константин Великий переносит из Рима разнообразные святыни, утверждая приоритет Нового Рима и Второго Иерусалима. Практику насыщения града разнообразными реликвиями продолжают «новые Константины», следующие первообразцу и отчетливо осознающие государственно-политическое значение своих действий. За обладание реликвией ведутся жестокие войны, как это было во времена императора Ираклия, в первой половине VII в. отвоевавшего у персов реликвию Честного Креста. Новый импульс процесс собирания реликвий получил после победы иконопочитания в 843 г. Он стал одной из важнейших составляющих в идеологии императоров Македонской династии, которые в IX-X вв. сумели добыть главные реликвии Страстей Господних, до того хранившиеся в Иерусалиме и других городах Христианского Востока.

В XI-XII вв. реликвии Константинополя как магнит притягивали многочисленных паломников как с Запада, так и Востока. До нас дошли десятки свидетельств. В настоящем издании приводятся два важнейших текста. Первое сочинение – это недавно найденное описание Таррагонского Анонима, латинского паломника конца XI в., проведшего значительное время в византийской столице и особенно интересовавшегося реликвиями и

чудотворными иконами Богоматери. Другой текст – известнейшая «Книга Паломник» Антония Новгородского – вероятно, самое полное описание константинопольских святынь, созданное накануне разгрома города крестоносцами в 1204 г. При всей разности восприятия увиденного католическим и православным паломником можно заметить и значительное сходство. Оба, по всей видимости, пользовались греческим «путеводителем», составленным для многочисленных посетителей города. Еще более важной представляется некая общая концепция, способ восприятия всего городского пространства через реликвии.

Напомним, что Константинополь мыслился как святой град, Второй Иерусалим – ожидаемое место Пришествия. Именно так он описывается средневековыми паломниками, которые двигались в городе от святыни к святыни как в некой пространственной иконе, священный смысл которой был гораздо важнее архитектурно-археологических реалий. В этой системе измерений храмы не сводились к стенам и даже к явленным на них иконографическим программам, но воспринимались как уникальные средоточия реликвий и особо почитаемых иконных образов, активно действующих в данном конкретном пространстве¹. Знаменательно, что в купола, стены и колонны церквей закладывались мощи святынь², которые превращали материальную архитектуру в своеобразный реликварий – драгоценную оболочку духовной субстанции, существующей в незримом, но внутренне организованном и непрерывно чудотворящем пространстве.

Внутри одного храма могла существовать целая система реликвий и чудотворных икон, образывавших своего рода пространственные структуры, которые были связаны между собой, но при этом воспринимались как отдельные программы. Например, в Софии

---

¹ Об этом подходе подробнее см.: Лидов А. М. Священное пространство реликвий // Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000, с. 8-10; он же. Реликвии как стержень восточнохристианской культуры // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003.

² Teteriatnikova N. Relics in Walls, Pillars and Columns of Byzantine Churches // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003, с. 74-92.

Константинопольской – это и пространство алтаря³, и зона императорского входа⁴, и скевофилакион⁵, и юго-восточный компартимент храма около Колодца самарянки⁶, и специально выгороженное место явления Богоматери⁷, а также многое другое. Сакральные пространства организовывались при помощи реликвий, икон, архитектурных устройств, специальной храмовой декорации, которые активно взаимодействовали с конкретными литургическими действиями, ориентированными именно на данный комплекс. Важной частью этого пространственного целого были особые песнопения, продуманная система каждений и драматургия световозжиганий. Постоянно меняющиеся, они определяли динамическую «перформативную» составляющую в общем символическом замысле. Создание подобных пространств было вполне осознанной программой, частью исторически конкретного и одновременно развивающегося, видоизменяющегося во времени проекта. Первоначальная модель-матрица могла быть дополнена или изменена в другую историческую эпоху, она актуализировалась в определенный момент суточного богослужения и литургического года⁸.

Существовала и определенная иерархия пространств, насыщенных реликвиями. Среди всех выделялся

³ Детальное описание см.: Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония архиепископа Новгородского в 1200 году / Под ред. Хр. Лопарева // ППС. Т. XIII, вып. 3 (1899), с. 8-15, LXXIII-LXXXI; *Majeska G. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington, 1984, p. 220-226.*

⁴ Символическая программа этого сакрального пространства проанализирована в работах: *Лидов А. М. Чудотворные иконы в храмовой декорации. О символической программе императорских врат Софии Константинопольской // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. Москва, 1996, с. 44-75 ; Lidov A. Leo the Wise and the Miraculous Icons in Hagia Sophia // The Heroes of the Orthodox Church. The New Saints, 8th-16th centuries / Ed. E. Kountoura-Galake. Athens, 2004, p. 393-432.*

⁵ *Taft R. Quaestiones disputatae: The Skeuophylakion of Hagia Sophia and the Entrances of the Liturgy Revisited // Oriens Christianus, 81 (1997), p. 1-35; Majeska G. Notes on the Skeuophylakion of Hagia Sophia // ВВ, 55/ 2 (1998), p. 212-215.*

⁶ *Mango C. The Brazen House. A Study of the Vestibule of the Imperial Palace of Constantinople. Copenhagen, 1959, p. 60-72.*

⁷ Книга Паломник..., с. 15, LXXXI.

⁸ *Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и сюжет истории культуры // Иеротопия. Исследование сакральных пространств / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2004, с. 15-31.*

императорский храм-реликварий Богоматери Фаросской. Этому храму посвящены три публикуемых в переводе текста. Речь идет о важнейшем описании Николая Месарита, который на рубеже XII-XIII вв. был хранителем святынь Фаросского храма. Его органично дополняет уникальное свидетельство обличающего греков Льва Тосканского (Тускуса), служившего переводчиком при дворе Мануила Комнина. Третий документ – это грамота крестоносного короля Балдуина, перечисляющая 22 реликвии Фаросской церкви, которые были проданы этим новым властителем Константинополя французскому королю Людовику Святому в 1238 г.

Церковь Богоматери Фаросской (Theotokos tou Pharou – Богородицы при маяке) была расположена в центре Большого императорского дворца около тронного зала (Chrysotriklinos – Золотой палаты) и императорских покоев⁹. Построенная в VIII в., она была перестроена и заново освящена в 864 г.¹⁰ Эта маленькая церковь, с одним куполом на четырех колонках, имела три апсиды на востоке и нартекс в западной части. По всей видимости, в византийской столице она являлась своеобразным образцом-моделью крестово-купольного храма, которую видели все приходящие в эту церковь для поклонения главным христианским святыням. Кроме того, Фаросский храм стал, по всей видимости, первой константинопольской церковью, получившей после победы иконопочитания новую систему иконных образов. С этой точки зрения, она также являлась важнейшим образцом. Мозаичные иконы были представлены в изысканно роскошном, поражавшем даже искушенных византийцев, обрамлении. Мраморы инкрустировались драгоценными металлами, многие архитектурные элементы были сделаны

⁹ Лидов А. М. Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005.

¹⁰ Ebersolt J. Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des Ceremonies. Paris, 1910, p. 104-109; Guillard R. L'eglise de la Vierge du Phare // Byzantinoslavica 12 (1951), p. 232-234 (idem. Etudes de topographie de Constantinople byzantine. Berlin-Amsterdam, 1969. Vol. I, p. 311-325); Janin R. La geographie ecclesiastique de l'Empire Byzantin. I. Le siege de Constantinople et le patriarcat oecumenevique. Paris, 1953. Vol. III, p. 241-245; Jenkins R. J. H., Mango C. The Date and Significance of the Tenth Homily of Photius // DOP, 9-10 (1956), p. 131-140.

из золота и серебра. Общую картину дополняли драгоценные литургические сосуды и сияющее золото мозаичных фонов. Сияющая и мистически блистающая красота дворцовой церкви являла образ божественного мира.

Все вместе должно было создать драгоценное обрамление и пространственную среду для главных реликвий христианства, которые византийские императоры не только собирали здесь, но и настойчиво демонстрировали всему миру¹¹. Собрание святынь была частью религиозно-политической концепции, реликвии обеспечивали чудотворную защиту империи и служили знаком высшей власти, гарантировавшим мистическую преемственность земных правителей по отношению к небесному владыке. Знаменитые святыни хранились как в Святой Софии, так и в других храмах Константинополя, однако Фаросская церковь выделялась даже на этом священном фоне. Именно в ней были сосредоточены самые прославленные реликвии Страстей Господних, включая большие части Святого Креста, Терновый венец, Копие, Трость, Гвозди, Вагряницу и Погребальные пелены. Все вместе они создавали уникальный образ Искупительной Жертвы, неотъемлемой частью которого были первые христианские иконы – нерукотворные Мандилион и Керамион.

На наш взгляд, по своему значению в византийской столице Фаросская церковь можно сравнить лишь с храмом Гроба Господня в Иерусалиме. Так же как и иерусалимский Святой Гроб, храм-реликварий являлся центром «Святой Земли» и своеобразной точкой отсчета в сакральном пространстве византийской столицы и всей христианской империи. Знаменательно, что до того, как этот храм был разрушен крестоносцами в XIII в., многие паломники начинали свое поклонение святыням Константинополя именно с посещения Фаросской церкви, подобно тому, как в Иерусалиме все начиналось с поклонения Гробу Господню. Величайшие святыни, сконцентрированные в одном небольшом сакральном пространстве, создавали первообраз Святого Града, являвшегося эпицентром чудотворящей энергии,

---

¹¹ *Bacci M. Relics of the Pharos Chapel: a view from the Latin West // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. Москва, 2003, с. 234-248.*

которая распространялась отсюда по всему христианскому миру.

Мы встречаемся здесь с тем же принципом перенесения сакрального пространства (посредством реликвий и архитектурно-иконного образа), который породил многочисленные и разнообразные реплики Святого Гроба в странах средневековой Европы. Однако статус Фаросской церкви был неизмеримо выше, чем у всех известных «иерусалимских копий». Напомним, что в средне-византийский период единственно доступной Страстной реликвией земного Иерусалима была сама гробница, обрамлявшая священную пустоту исторического места погребения и воскресения, тогда как в константинопольском храме с невероятной полнотой были представлены все возможные материальные свидетельства Искупительной Жертвы. Иерусалимское происхождение реликвий напоминало о мистическом родстве и нерасторжимом единстве двух христианских столиц. Собирая по всему миру реликвии Страстей, императоры не только выступали хранителями святыни, но и утверждали священное первенство своей столицы Константинополя как Нового Иерусалима и земного воплощения Небесного Града. Существенно, что константинопольский «Гроб Господень» в отличие от «оккупированного» иерусалимского святилища находился в руках православных.

Важной частью общего замысла была принадлежность Фаросского храма лично императору (место его частных богослужений рядом с императорскими покоями). Его присутствие было столь же осязаемо и конкретно, как наличие святых предметов, соприкасавшихся с самим Христом. Это уникальное сочетание высшей святости и высшей власти сделало константинопольский дворцовый храм авторитетнейшим прототипом для придворных церквей-капелл (*capella palatina*) всего христианского мира.

Помимо описаний собраний реликвий в Византии существовали и тексты, посвященные отдельным святыням, которые прославлялись как в литургических песнопениях (см. раздел «Реликвии в византийской гимнографии»), так и в особых проповедях. Одним из самых ярких образцов жанра проповеди может служить публикуемое в

переводе с греческого «Слово о положении Ризы Богоматери во Влахернах», вероятно, произнесенное Феодором Синкеллом после осады Константинополя в 619 г. Оно содержит уникальную информацию о внешнем облике, формах хранения и почитания важнейшей «градозащитной» реликвии Константинополя – чудотворной Ризе Богоматери, не раз, согласно преданиям, спасавшей столицу во время многочисленных осад.

Особую группу источников составляют сказания о чудотворных иконах, которые рассматриваются в одном ряду с реликвиями¹². Один из первых сводов кратких сказаний был составлен в конце эпохи иконоборчества около 843 г. и включал рассказы о 14 прославленных иконах¹³. Известен и сборник кратких сказаний XI в., который, по всей видимости, использовался в литургических чтениях на празднование Торжества православия (победы иконопочитания) в первое воскресенье Великого Поста¹⁴. К подобному кругу текстов принадлежало и впервые публикуемое в настоящем издании пространное Сказание о Богоматери Римской, известное по рукописям XI–XII вв.¹⁵ Оно получило новую и долгую жизнь в древнерусских преданиях, в первую очередь, в истории Богоматери Тихвинской, с которой отождествлялась эта икона¹⁶.

В последней части данного раздела приводятся свидетельства о реликвиях Константинополя, принадлежащие двум испанским путешественникам первой половины XV в. – Клавихо и Перо Тафуру. Они

¹² О восприятии реликвий и чудотворных икон как типологически неразделимых чудотворящих предметов: Лидов А. М. Священное пространство реликвий..., с. 4–7.

¹³ The Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilos and Related Texts / Ed. by J. A. Munitiz, J. Chrysostomides, E. Harvalia-Crook, Ch. Dendrinou. Camberley, Surrey, 1997, p. LII–LIII, 32–35. Русский перевод см.: Сказание о чудотворных иконах в «Послании восточных патриархов императору Феофилу» / Пер. и пред. Т. М. Васильевой // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996, с. 429.

¹⁴ Легенды о чудотворных иконах // Жития византийских святых. Пер., пред. и прим. С. Поляковой. СПб., 1995, с. 333–347, 524–527.

¹⁵ Кулаковский С. Состав Сказания о чудесах иконы Богоматери Римляныни // Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 470–475.

¹⁶ Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской / Изд. Е. В. Крушельницкой. СПб., 2004, с. 33–38.

принципиально важны для понимания бытования реликвий в поздневизантийскую эпоху, когда уже многое изменилось по сравнению с эпохой, предшествовавшей разорению 1204 г. Многие святыни были похищены крестоносцами и оказались в разных уголках западнохристианского мира. Поменялось и само расположение реликвий в пространстве Константинополя, а в связи с этим — и сакральная топография града. Описания испанцев полны редчайших подробностей, на которые обычно не обращали внимания православные паломники. Особого внимания заслуживает рассказ о чудотворном действе с иконой-реликвией Одигитрии Константинопольской¹⁷, с удивительной конкретностью описанном обоими путешественниками, которые увидели это уникальное явление византийской культуры глазами светских людей эпохи раннего Ренессанса. Один аспект заслуживает специального упоминания. Описания показывают, насколько активна была роль реликвий в городском пространстве и формировании сакральной среды. Они позволяют увидеть динамическую «перформативную» составляющую почитания реликвий в Константинополе.

---

¹⁷ Лидов А. М. Пространственные иконы. Чудотворное действо с Одигитрией Константинопольской // Иеротопия. Исследование сакральных пространств / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2004.

ТАРРАГОНСКИЙ АНОНИМ.
«О ГРАДЕ КОНСТАНТИНОПОЛЕ».
ЛАТИНСКОЕ ОПИСАНИЕ РЕЛИКВИЙ XI ВЕКА

Перевод с латинского, предисловие и комментарии
Л. К. Масиеля Санчеса

Предлагаемое вниманию читателя описание Константинополя опубликовано норвежской исследовательницей Крийнье Сигггор¹. Оно находится в рукописи конца XII или начала XIII в. в Публичной Библиотеке г. Таррагона (Каталония)². Во избежание смешения ряда анонимных описаний Константинополя XI–XII вв. условимся называть его «Таррагонским анонимом».

Рукопись происходит из цистерцианского монастыря Сантес-Креус в 30 км от Таррагоны и содержит, наряду с Таррагонским анонимом, два сборника чудес Богоматери, *Disciplina Clericalis* Петра Альфонси и неполный вариант *Liber sancti Iacobi*. Присутствие текста *Liber sancti Iacobi*, частично переписанного в Риполе – церковном и культурном центре Каталонии, говорит, по мнению Сигггор, о том, что «Таррагонский аноним» мог быть переписан именно там, возможно, монахом из Риполля или Сантес-Креус. Таррагонский аноним уделяет Богоматери большое внимание, так что его появление в рукописи рядом со сборником Ее чудес не случайно. Интерес к Константинополю может объясняться интенсивными связями между Каталонией и Византией в конце XII в. Граф Рамон де Монкада, один из представителей семейства основателей и покровителей монастыря, в 1170-х гг. неоднократно бывал в Константинополе с дипломатическими и торговыми

---

¹ Ciggaar K. N. Une description de Constantinople dans le *Tarragonensis* 55 // REB 53 (1995), p. 117–140.

² *Tarragonensis* 55 (f. 50–58v).

миссиями и даже заказал там перевод литургии св. Иоанна Златоуста³.

Очевидно, что текст рукописи является списком с неизвестного более раннего оригинала. Необходимое по смыслу предисловие отсутствует. Текст неожиданно обрывается, причем остаток листа чист, словно переписчику пришлось прервать труд по неизвестной причине.

Время пребывания автора в Константинополе Сиггорт устанавливает между 1075 и 1098 годами, в основном исходя из упоминания различных реликвий. Терновый венец был привезен в Константинополь в 1063 г.; большие колонии англичан и туркопулов появились после 1071 г.; восхищение паломника красотой Влахернского храма указывает на то, что он видел его, скорее всего, обновленным после пожара 1070 г. — храм был открыт, самое позднее, в 1075 г. С другой стороны, кусочки хлебов, которыми Господь насытил пять тысяч, в 1105 г. были перенесены в Большой дворец; после 1098 г., когда крестоносцы обнаружили в Антиохии святое копие, идентичная реликвия в Константинополе не упоминается ни одним западным автором.

Автор, скорее всего мирянин, ибо он не обращается к братьям-монахам, изучал в Константинополе греческий язык, знание которого было огромной редкостью на тогдашнем Западе. Византийские храмы и святыни поражают его больше всего своим сверкающим великолепием. Его интерес к металлам, и особенно к свинцу, не характерен, по мнению Сиггорта, для паломнических описаний Константинополя. Сам автор никак не мог быть жителем Средиземноморья и происходил, вероятно, из Северной Франции или Фландрии. Скорее всего, он принадлежал среде «крестоносцев или будущих крестоносцев»⁴.

Сиггорт обращает внимание на определенный параллелизм в упоминании реликвий Таррагонским анонимом и письмом, которое император Алексей Комнин отправил графу Фландрии с просьбой о помощи против турок, дабы избежать попадания реликвий Константинополя в их руки. По мнению историков, это письмо — или фальшивка, или фрагмент подлинного послания,

³ См.: Jacob A. La traduction de la Liturgie de saint Jean Chrysostome par Levon Toscan // OCP 32 (1966).

⁴ Ciggaar K. N. Une description de Constantinople dans le *Tarragonensis* 55 // REB 53 (1995), p. 131.

отправленного императором до Крестовых походов, между 1091 и 1095 гг. Наш аноним, познакомившись с перечнем реликвий в письме, мог пожелать «проверить», правду ли говорит император. Особенно поражает, отмечает Сиггтор, что хлеба, насытившие пять тысяч, упоминаются здесь впервые на Западе. Оба текста говорят об огромных богатствах города и об изобилии шелковых одежд.

Таррагонский аноним наблюдал собственными глазами разные проявления культа Богоматери: храмы, святыни, иконы, процессии. В отличие от других свидетелей, он приводит весьма краткий перечень храмов: 1) св. Софии, 2) св. Апостолов, 3) Богоматери Влахернской, затем 4) Богоматери Одигитрии, 5) Богоматери Халкопратийской и 6) Христа (возможно, Халки), а также 7) неназванный храм под статуей Константина, где хранились кусочки хлебов. Примечательно, что он не упоминает ни одного монастыря.

Большую часть текста занимает описание чудес, большинство которых связано с Богоматерью. Автор упоминает 1) чудо с умноженными хлебами, 2) чудо Нерукотворного образа на черепи, 3) «привычное» чудо подняти завесы во Влахернах, 4) чудо с иудеем, пронзившем икону Богоматери в притворе Св. Софии, 5) чудо с патрицием и нотарием, сотворенное через ту же икону, 6) чудо о строительстве Св. Софии и 7) чудо иконы Богоматери, защитившей Константинополь от аваров в 626 г. (на нем текст обрывается).

Наконец, автор описывает константинопольские процессии: 1) перенесение главы св. Павла из императорского дворца в церковь Св. Апостолов (эта процессия не известна ни по византийским, ни по западным источникам); 2) вторичную процессию с иконой Богоматери Одигитрии и 3) процессию, совершенную жителями Константинополя в 626 г.

«Таррагонский аноним» (напомним, что он создан между 1075 и 1098 гг.) стоит в ряду таких описаний Константинополя, как Аноним Меркати⁵ (латинский перевод 1089–1096 гг. с греческого оригинала, относящегося к

---

⁵ Ciggaar K. N. Une description de Constantinople traduite par un pèlerin anglais // REB 34 (1976), p. 211–267. Есть русский перевод: Описание святынь Константинополя в латинской рукописи XII века / Пер. Л. К. Масиеля Санчеса // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М. 1996, с. 436–463.

1063–1081 гг.) и Аноним Ламброса⁶ (созданный, вероятно, между 1136 и 1143 гг.). Сравнение сведений Таррагонского анонима с информацией этих двух текстов кажется нам наиболее оправданным.

О граде Константинополе

И вот, чтобы описать то, что видели мы собственными глазами, обратимся теперь к перу и мысли. Константинополь – город, расположенный между Азией и Грецией, столица восточного царства и благороднейший из городов всего римского мира. Многие говорят и считают, что в нем находится треть золота и серебра всего мира, некоторые – что половина, а другие наделяют Константинополь даже двумя частями, приписывая третью часть [остальному] миру. Что из этого всего правдивее, сможет решить тот, кто захочет это исследовать. Мне же, обошедшему просторы многих земель и во многих краях много повидавшему, кажется, что от пределов западных и до Иерусалима, вдоль и поперек, не найдется столько золота или серебра, сколько во граде Константинополе.

Когда прибыл я туда и огляделся вокруг, помутился мой рассудок в изумлении от созерцания столь многочисленных чудес. Ведь увидел я там то, чего не видывал: бесчисленные облицованные мрамором храмы, внутри золотом расписанные, а снаружи свинцом покрытые, дворцы тоже мраморные, сходным образом свинцом покрытые, изображения четвероногих и пернатых тварей всякого рода, изваянные чудесным и искусным образом из меди и металла, а также театр, который греки называют Ипподромом, и храм Святой Софии, превосходящие в своей поразительности все остальное вместе взятое.

Там можно увидеть тысячи мужей в одеждах из чистого шелка, также много людей разных исповеданий и языков. Тут живут греки, там армяне, этот квартал населяют

---

⁶ Ciggaar K. N. Une description anonyme de Constantinople du XII siecle // REB 31 (1973), p. 335–354. Этот небольшой текст дошел до нас в латинской (Cotton. Vitellius A. XX, f. 239; рукопись XVI в.) и славянской (Ambros. N. 87 sup., f. 32r–32v; славянские XIV в.) версиях. Название «Аноним Ламброса» дается нами по имени С. П. Ламброса, опубликовавшего в 1906 г. греческий вариант описания.

сирийцы, тот — ломбардцы, в ином месте проживают англичане, которых называют еще варягами, в другом — влахи, в свою очередь, и у амальфитян, французов, даже у иудеев и туркопулов⁷ есть в этом городе собственные места пребывания. Однако большая и лучшая часть города принадлежит грекам, и верховная власть, и все другие проживающие там нации подчиняются им. Этот благородный город замечательнее всех других городов мира золотом и серебром, мрамором и свинцом, одеждами и шелками, и больше он всей славы мира, и еще больше прославляют его хранящиеся там драгоценнейшие тела святых, а более всего — святыни, связанные с Господом нашим Иисусом Христом, превосходящие, как полагают, находящиеся во всех [других] частях земли. Немного расскажу о них, коротко и сжато.

Говорят, что есть там пеленки, в которых лежал Спаситель в своем благословенном детстве⁸, также золото, принесенное волхвами, которое, когда подносят его к ушам, всегда издает звон и чудесным образом слышится как бы шепот⁹. Это хранится у них в ризнице Святой Софии¹⁰. Во дворце же императора находится большая часть Креста Господня, а также один гвоздь, которым Он был распят, и терновый венец, которым Он был увенчан, трость, которую Он держал в руке, сандалии, которые были у Него на ногах, копие, которым был пронзен Его бок, камень, который лежал у головы Его во гробе, умывальница, в которой обмыл Он ноги учеников, письмо,

---

⁷ Туркопулы — турки, переселившиеся в Византию, и их потомки. После битвы при Манцикерте (1071) византийские императоры стали активно пользоваться услугами тюркских наемников (*Ciggaar K. N. Une description de Constantinople dans le Tarragonensis 55 // REV 53 (1995), p. 130.*).

⁸ Их упоминает и Аноним Меркати (с. 440). Здесь и далее ссылки на русский перевод: *Масиель Санчес Л. К. Описание святынь Константинополя в латинской рукописи XII века // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996, с. 436–463.*

⁹ Аноним Меркати также упоминает это золото (с. 440), но не говорит о его чудесных свойствах.

¹⁰ Скорее всего, имеется в виду скевофилакион — круглое строение, находившееся с северо-восточной стороны от Св. Софии.

которое написал Он своей рукой и послал царю Авгарю¹¹. Также говорят, что в одном месте в городе находятся 12 корзин, также и кусочки хлебов, оставленные пятью тысячами человек, которых Иисус насытил пятью хлебами и двумя рыбами¹².

Рассказывают о чуде, сотворенном ими. Один бедный человек выкрал тайком несколько кусочков, думая, что разбогатеет, если будет иметь их или нечто подобное. Когда сделал он это, начался дождь, и лил он сорок дней, и никак не прекращался. Принужденные необходимостью, константинопольцы усердными молитвами и постом просили Господа о милости, дабы отвел от них наводнение из-за ливня, грозящее им и ближним их безмерной опасностью. Было им тогда открыто свыше, что выпало это им на долю из-за того, что кто-то украл несколько тех святых кусочков, и, хотя неугодно это Господу, не кончится дождь до тех пор, пока в то место, откуда взяты были, не будут они положены обратно. Когда узнал об этом тот, кто совершил кражу, признался он пред всем народом в том, что совершил, и водворил крошки хлеба на то место, откуда взял. Как только случилось это, дождь тотчас прекратился. Узнал я об этом от благочестивых мужей, находясь в том городе¹³.

Есть в том славном городе изображение лика Господа нашего Иисуса Христа, созданное Им самим на плате, как сообщают греки, следующим образом. Вышеупомянутый Авгарь, царь города Эдессы страстно желал увидеть пресветлый лик Господа. Узнав о желании царя, Иисус взял плат и обернул им свое лицо, и остались облик и черты лица Его на плате. Сотворенный таким способом образ Свой послал Спаситель царю Авгарю, чтобы смог увидеть тот, каков лик Его. Этот драгоценнейший плат, отмеченный

---

¹¹ Все эти святые упоминает и Аноним Меркати (с. 439); единственное отличие состоит в том, что Аноним Меркати говорит о гвоздях во множественном числе. Аноним Ламброса упоминает гвоздь, «терновый венец, и поныне зеленеющий и цветущий», сандалии и копие (р. 340-341; здесь и далее ссылки на латинский и греческий текст: *Ciggaar K. N. Une description anonyme de Constantinople du XII siecle // REV 31 (1973), p. 335-354.*

¹² Мф. 14, 15-20, Мк. 6, 35-44, Лк. 9, 12-17, Ин. 6, 5-13. Аноним Меркати говорит, что корзины с кусочками хлебов замурованы под колонной Константина (с. 448).

¹³ Аноним Меркати связывает с похищением хлебов не наводнение, а землетрясение (с. 448).

ликом и прикосновением Господа Иисуса, почитается больше, нежели остальные святыни дворца, сохраняется с большим тщанием, так что всегда заключен в золотой ковчег и заперт надежнейшим образом. И тогда как все остальные святыни дворца в то или иное время бывают показываемы верующим, этот плат, хранящий изображение лика нашего Искупителя, никому не показывают и никому не открывают, даже самому императору Константинопольскому. Во время оно открыли тот ковчег, где была столь святая вещь, и поражен был город непрекращающимся землетрясением, грозящим всем неминуемой гибелью. Открыто было свыше через видения, что не отступит страшное зло от того града до тех пор, пока тот плат, хранящий образ лика Господа, не будет сокрыт в тайном месте и удален от людских взоров. Так и сделали. Заключили тот святой плат в золотой ковчег и тщательно закрыли, и прекратилось землетрясение, и успокоился гнев небес. С тех пор никто не слышал, чтобы открывали тот ковчег и взирали на то, что там находится, ибо все верят и боятся, что поражено будет все страшным землетрясением, если попытаются открыть его¹⁴.

Там находится десница блаженного Иоанна Крестителя¹⁵, и в день Богоявления благословляется ею вода; там находится, как сообщают греки, голова блаженного Павла, и в день рождения апостолов священники, воспевая хвалебные гимны, в сопровождении людской толпы переносят ее в церковь Апостолов, в которой бывает в тот день величайшее стечение народа со всего города, патриарх же совершает там святое торжество богослужения. Еще говорят, что во время

---

¹⁴ Таррагонский аноним – единственный источник, сообщающий об этом чуде (*Ciggaar K. N. Une description de Constantinople dans le Tarragonensis 55 // REV 53 (1995), p. 137*). Аноним Меркати упоминает плат с Нерукотворным Образом Спасителя, однако видел ли он его сам, из текста не совсем понятно (с. 439).

¹⁵ Аноним Меркати упоминает среди реликвий Большого дворца руку (*manus cum brachio*) св. Иоанна Крестителя (с. 440).

каждого из этих торжеств на челе [святого] вырастает один волос¹⁶.

В той же Святой церкви Апостолов в алтаре покоится тело блаженного апостола Андрея и вместе с ним тело блаженного евангелиста Луки, и мученика Тимофея, ученика апостола Павла. Затем перед тем святым алтарем покоятся укрытые в земле тела святых, а именно Иоанна Златоуста и Григория Назианзина, которого также называют Богословом¹⁷. При апсиде той церкви есть круглая церковка, которую называют капеллой императора Константина, и в ней в величайшем и драгоценнейшем порфирином саркофаге покоится тот Константин со своею святою матерью Еленой. В той церкви Апостолов ты мог бы увидеть многие небезызвестные погребения императоров и патриархов¹⁸. Сейчас не время рассуждать о красоте и величии этой церкви. Ибо поистине она вторая по величию после Святой Софии, которую не сравнить ни с одною другою церковью города. Хотя во граде Константинопольском церковей великое множество, среди них есть три, превосходящие остальные ценностью и честью: разумеется, церковь Святой Софии, Святых Апостолов и Святой Богородицы, именуемая Влахернской.

Эта церковь Богородицы, которая по-гречески называется Тис Теотоку, весьма великолепна, ибо прекрасна и Та, кому она посвящена – мать Бога и обрученная дева Мария. Пол той церкви мраморный, стены и колонны тоже мраморные, капители золотые, своды золотые, снаружи все покрыто свинцом, говоря короче,

---

¹⁶ Аноним Меркати говорит о «совершенно целой» голове св. Павла (с. 440) в Большом дворце. Один русский паломник неизвестного времени говорит о том, что эта святыня хранилась в церкви св. Павла (*Majeska G. P. Russian travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth centuries. Washington, 1984, p. 153-154*). Процессия ни в одном другом источнике не упоминается (*Siggaar K. N. Op. cit., 138*), ибо культ апостола не пользовался популярностью на Западе, и Таррагонский аноним выражает здесь свое личное предпочтение.

¹⁷ «В алтаре Святых Апостолов покоятся святой апостол Андрей, святой евангелист Лука и святой Тимофей, ученик апостола Павла. В полу же алтаря слева лежит святой Иоанн Златоуст, а справа – святой Григорий Назианзин, называемый Богословом...» (Аноним Меркати, с. 450).

¹⁸ Аноним Меркати упоминает, помимо «многих императоров», св. Константина (но не в отдельной капелле, а в самом храме) и патриархов свв. Мефодия, Никифора и Стефана (с. 450), а Аноним Ламброса – «всех императоров», в том числе св. Константина и Юлиана Отступника «в мраморной гробнице», из которой «истекает отвратительнейшая жидкость, как зловонная смола» (р. 340).

она светла и очень красива, и не видать в ней ничего, кроме золота да серебра, да драгоценнейшего мрамора, да стекла. Рядом с той базиликой есть другая церковь, маленькая, круглая, облицованная мрамором, и соединена каждая из них с другой так, чтобы быстро пройти тебе из одной в другую. В той маленькой церкви есть святая и чтимая золотая икона Богородицы, держащей Сына, которого Она, благодатная, родила. Эта святая икона каждую неделю творит славное чудо. Многие люди рассказывают о нем по-разному, я же, не единожды, но много раз видел его собственными глазами, позаботился рассказать о нем по правде, нигде не прибавляя ничего лживого¹⁹.

Нижняя часть этого святого образа Богородицы закрыта завесой, прикрепленной с обеих сторон образа двумя гвоздями. Так видна лишь половина святого образа до пояса, именно грудь и голова. Другая же половина, вниз от пояса, спрятана, как мы уже говорили, шелковой завесой. И вот, в шестой день недели ближе к заходу солнца бывает у вышеупомянутой церкви величайшее стечение народа, мужчин и женщин, а также клириков со священниками. Как находящиеся во святом граде Иерусалиме в субботу святой Пасхи ждут, чая увидеть огонь, сходящий с неба, так и простолюдины константинопольские в упомянутый день стоят и ждут пред святым образом, чая увидеть, как по привычному поднимается завеса Божьей силой.

Когда же приближается час, в который должно свершиться то божественное чудо, для созыва народа в церковь бьют в деревянную доску, ибо нет у греков иного знака к началу подобной церемонии. И не то чтобы не доставало им бронзы или металла, чтобы подавать знак по латинскому обычаю, но говорят они, что делают это по примеру апостолов, которые из страха перед язычниками в тайне от врагов рода христианского били в деревянную доску, чтобы по этому знаку [верные] спешили в церковь. Итак, когда все собираются в церкви

---

¹⁹ Это «привычное чудо» (см. ниже) было чрезвычайно широко известно. Ñi.: Grumel V. Le «Miracle habituel» de Notre-Dame de Blachernes av Constantinople // EO 30 (1931), p. 129-146. Аноним Меркати упоминает завесу перед иконой Богородицы во «второй церкви» во Влахернах, которая поднималась «не рукой человеческой, но Божией благодатью» (с. 451-452). Вероятно, Таррагонский аноним – первый западный свидетель, описавший это чудо (Ciggaar K. N. Op. cit., 137).

пред святым образом Богородицы, клирики в песнопениях, а миряне в молитвах благоговейно взывают к великим делам всемогущего Бога, дабы позволил Он свершиться привычному чуду. Ты увидел бы там такое множество людей обоего пола, почувствовал бы там такую давку, что если бы ты пришел туда голым среди зимы, вряд ли бы вытерпел жару. Ты услышал бы сладкозвучные мелодии голосов, громко славящих Богородицу. Сверх того священник, одетый как на богослужении, часто обходит алтарь и святой образ с золотой кадильницей, полной фимиама. Что тут говорить? Пока клир поет, а народ молится, завеса, которой прикрыта половина святого образа, силой Божией поднимается вверх, являя ту половину образа, которую прежде скрывала.

Есть в той славной базилике Богоматери один удивительный образ, на греческом языке называемый иконой. Что латиняне называют образом, то греки зовут иконой. Ту икону Богородицы, мраморную, не руками человеческими созданную, но божественной волей сотворенную, удостоивают они величайшей чести, как это и подобает. Ибо висят пред ней постоянно три зажженные золотые лампы. Тот святой образ Богородицы не рукою художника в красках написан и не изваян человеческим искусством, но изображен силой Божией в мраморе, с Ребенком, которого держит блаженная Дева.

В базилике Святой Софии, первой среди церквей Константинопольских и всего греческого царства, видел я позади алтаря одну икону Богородицы, сотворившую такое чудо (как узнал я от множества тамошних жителей). Одному иудею, случайно проходившему рядом со Святой Софией, пришлось в голову вернуться и зайти в ту церковь, не молитвы ради, а чтобы посмотреть на столь великую и знаменитую базилику. Войдя внутрь и с любопытством оглядевшись вокруг, увидел он среди всего прочего вышеупомянутый образ Богородицы, держащей своего благородного Сына. Охваченный яростью на святой образ, иудей выхватил ножик. Оглядевшись вокруг, нет ли кого, кто мог бы увидеть, что он хочет сотворить злое, и никого не заметив, поднял вверх ножик, который держал, и с силой вонзил его сверху в святой образ, поразив его в священную грудь. Удивительное дело! Из того святого образа, пронзенного иудеем, потекла кровь, как если бы [икона] была живой и смогла ощутить поразивший ее удар. Кровь забрызгала не только образ,

из которого она текла, но и даже самого иудея, нанесшего рану. Иудей, увидев случившееся, пришел в ужас от такого чуда. Боясь, чтобы не узнали как о самом преступлении, так и славе Христовой, снял он тот образ, истекающий кровью, и бросил в колодец, который был рядом.

Совершив это, вышел он оттуда, думая, что скроет содеянное зло. Но Свидетель, который свыше и рядом, который все видит, чьи очи на праведников, но лицо против делающих зло, чтобы истребить с земли память о них, и вероломство иудея доказал, и славу Свою явил. Ибо когда вышеупомянутый иудей отправился, куда собирался, встретил он случайно одного христианина. Этот христианин увидел его и понял, что он иудей; видя же, что одежда у него испачкана кровью, а сам он опаслив и бледен, словно виноват в тяжелом преступлении, подумал [христианин], что тот тайно убил какого-нибудь христианина, и из-за этого убийства [одежда] у него в крови, а в лице он изменился от нечистой совести; тогда схватил он его рукой: постой, говорит, что сотворил? христианина убил? Тот принялся решительно отнекиваться, но христианин становился все увереннее и увереннее. «Откуда же, — сказал христианин, — эта кровь, что видна на твоей одежде? Без сомнения, это доказательство какого-либо убийства. Раз отрицаешь, что убил христианина, ты должен открыть, откуда взялась на тебе кровь». Много наговорив и много насочиняв на глазах у людей, во множестве сбегавшихся туда посмотреть на это зрелище и не веривших его выдумкам, он был принужден наконец открыть все по порядку, как дело было, именно, как он с безрассудной дерзостью ранил святой образ и потекла из раны кровь, и как он потом его в колодец бросил. Услышав это, весь собравшийся там народ принялся проклинать вероломство иудея и славить силу Господню.

Решив наконец разведать о случившемся чуде, все люди, собравшиеся вокруг злого иудея, отыскивали вышеупомянутый образ Богородицы в колодце, куда он был брошен нечестивым и гнусным иудеем. Вынув его оттуда, увидели они рану незаконную и струящуюся из той раны жертвенную кровь. Наконец с великой радостью и ликованием возложили они [икону] на свое место, и с тех пор испытывали к ней величайшую любовь и почтение, настолько, что во всякий час пред тем славным образом

Богородицы стоит всегда много горящих золотых лампад. Удар же, нанесенный иудейской рукой, виден и до сегодняшнего дня. Те же, кто входит в Святую Софию с той стороны, сначала обращаются ко святому образу, благоговейно смиряются пред ним, преклоняются ему и в молитвах препоручают себя и своих ближних блаженной Богородице, чей столь славный и столь священный образ они созерцают, и конечно священнейшему Сыну ее, которого она держит, как видно на том изображении. Вышеупомянутый иудей, обдумав приключившееся, уверовал во Христа, чье столь славное и удивительное дело видел, и крестился в купели спасения во имя Троицы, святое и нераздельное.

Слышал я, что рассказывали еще об одном чуде этого святого образа Богородицы. Один богач со своим клиентом благоговейно предстоял той славной иконе, прося блаженную Богоматерь, чей пресвятой образ он там созерцал, и Сына ее о помощи. Когда же тот богач устремил свой взор к прекраснейшему и милосерднейшему лику Царицы Небесной, со всем смирением и благоговением изливая свои молитвы и повествуя о своих терзаниях, святой образ Богородицы отвратил лицо свое от него, словно во гневе не желал замечать предстоявшего, и обратил глаза и лик свой в другую сторону. Когда предстоявший человек увидел это, охватил его ужас и утратился он, не совершил ли он чего-то, чем заслужил такой гнев Богородицы. Пав на колени, умолял он Богородицу смилостивиться, чтобы показала она лик свой тому, от кого отвернулась она в знак обвинения. Тогда пресвятая родительница Христа промолвила через свой святой образ: «Не из-за тебя отвела я глаза свои и лик, но из-за того слуги твоего, стоящего за тобой, который виноват пред Богом и тобой, ибо зная, что свершилось через него одно чудо, до сих пор утаивает, не поведав о нем во славу и хвалу Божию ни тебе, господину своему, ни кому-нибудь другому». Обрадовавшись этим словам блаженной Богородицы, тот человек обернулся к слуге своему. «Что это? — спросил он. — Что скрыл от меня? В чем состоит вина твоя пред Его божественной Милостью и славной матерью Его?» На что отвечает тот: «Исповедую, что виноват я пред Богом и заслуживаю порицания, ибо смог великую славу Его так долго держать в тайне. И вижу я, что угодно Ему, чтобы

рассказал я обо всем этом, как дело было, открыл по порядку.

Прежде чем оказаться у тебя и считать тебя господином, был у меня другой господин, и пробыл я с ним немало времени, пока не подметил в нем нечто, чего не должно быть ни в одном христианине. Ибо разговаривал он с демонами, когда хотел, слушаясь их и находясь у них в услужении, я же об этом совершенно ничего не знал и не подозревал ни о чем подобном. Но однажды ночью (не знаю, что пришло ему в голову или затевал он что) взял он меня и повел с собой. И не знал я, куда он шел; дивился я, чего он делать хочет в такой час, куда и почему ведет он меня с собой. Все же предупредил он меня по дороге, чтоб, чего бы не увидел я, не бояться того и не налагать на себя крестного знамения. Услышав это, я еще больше испугался, уже догадываясь, что недоброе место то, куда мы направлялись, где запрещено спасительное знамение. Повернув по пути несколько раз, пришли мы в конце концов в какое-то место, и увидел я, что находится там как бы множество людей в белоснежных одеяниях; это было сборище демонов с князем их. Увидев такое, я весь затрепетал. Хозяин же мой, приведший меня с собой туда, велел мне, чтобы не пугался я и не налагал на себя крестного знамения. После сего предупреждения подошел он сначала, а потом в страхе и я, к князю тому, которого все, бывшие там, почитали как господина своего, и почтил его земным поклоном. Демон ему: «Кто это, кого привел ты с собой?» А мой хозяин ему: «Раб, – говорит, – Ваш, как и я». Тогда, обратившись ко мне, сказал тот князь демонов: «Хочешь быть рабом моим, как хозяин твой?» Немедленно осенил я себя крестным знамением: «Того, – говорю, – раб есмь, Чье знамение это». Как только сделал я это и сказал, все это логово демонов тотчас пропало, и увидел я, что стою там один. Не смогло вынести спасительного знамения креста скопище злобных змей. Это славное событие не по моим заслугам случилось, но благодатью и силой Христа. Не подобало мне до сих пор молчать, да блаженная Богородица

заставила меня рассказать это как следует и сообразно»²⁰.

В той же славнейшей базилике Святой Софии у входа в двери, покрытые снаружи золотом и серебром, находится другая икона блаженной Богородицы, а именно та, которую видела в иерусалимском храме Мария Египетская, когда не могла войти в него из-за совершенных ею грехов. Когда, как мы уже писали выше, Мария грешница, испытывая трудности, заметила ее и помолилась ей, тотчас же получила все, что просила. Когда же грешница предстала, наконец, перед самым вышеупомянутым святым и благословенным образом Богородицы, чтобы поблагодарить за полученные благодеяния, а также попросить, чтобы указала ей [Богородица], в каком месте могла бы она принести искреннее покаяние, достойное ее грехов, говорят, что сказал ей святой образ так: «Если перейдешь Иордан, найдешь там благое успокоение». Ту святую икону, или образ, которая так ответила грешнице, сжалившись над нею, ты можешь увидеть у входа в Святую Софию. Сможешь даже увидеть и ту грешницу, написанную красками пред образом. Изрядно благочестивое занятие созерцать Богородицу, изображенную в красках, как держит Она на груди своего благородного Сына и как грешная женщина, черная, как и грехи в ней, преклонив колени и протянув дрожащие руки, слезно молит Ее о милосердии, чтобы смилостивилась Она над ней. Икона того стоит, чтобы на нее посмотреть²¹.

В качестве отступления можно рассказать что-нибудь об этой чудесной и несравненной церкви Святой Софии, в которой находятся столь чтимые образы святой Богородицы. Итак, скажу коротко и сжато, почему и каким образом была она сооружена и как случилось, что выпало ей такое имя, как слышал я это от многих и написанным видел, пока оставался в той церкви, чтобы изучить греческий язык и писания.

²⁰ Эти чудеса были хорошо известны в греческой литературе и пользовались большой популярностью в латинских и французских путеводителях для паломников (см., напр.: *Iohannes Monachus. Liber de Miraculis* / Ed. Huber M. Heidelberg, 1913, p. 36-39, 119-124). Их (чудеса) подробно излагает Аноним Меркати (с. 441-442). По мнению Сиггор, Таррагонский аноним мог найти их образцы у себя на родине (*Siggaar K. N. Op. cit.*, p. 137).

²¹ По Анониму Меркати, эта икона находится «в правой части храма, снаружи нартекса, там, где серебряные двери» (с. 443).

Строителем этой чудесной церкви был император Юстиниан. Этот благочестивый император, решив в сердце своем совершить что-нибудь, что было бы Богу во славу и хвалу и душе его на пользу и возрастание, а также и имени своему в прославление, начал строить церковь эту во граде Константинопольском с той заботой, с той мыслью, чтобы превзошла она богатством и славой все церкви целого мира, и подобно тому, как Константинополь возвышается красотой, богатством и царским достоинством над всеми прочими городами мира, так и сооружаемая им церковь выделялась бы среди церквей всех городов красотой, богатством и размахом. Безо всякого промедления строился тот славный храм благороднейшим императором, который целиком отдался этому великому делу и держал его в памяти во всех подробностях, чтобы прилежнейшим образом довести до конца то, за что хорошо принялся. Из дворца ежедневно выносили мешки с золотом на строительство столь великого сооружения. Всем миром делали то, что шло на пользу столь славному делу. Иные распиливают мрамор, другие вырезают, иные строят.

Однажды привел император работников во дворец, чтобы передохнули они вместе с ним, а потом вернулись бы к работе. Одному же мальчику приказал, чтобы не отходил от той стройки, пока не отдохнет он с работниками, и тщательно присматривал бы за оставшимися там железными орудиями и всем остальным, что там было. Мальчик принялся выполнять то, что ему приказали, а император проводил время с работниками во дворце. Между тем к мальчику подошел какой-то прекрасный юноша и сказал ему: «Сходи во дворец, а я посторожу пока то, что ты сторожишь». Тот мальчик ответил: «Не дерзну я отойти от этого места, пока из дворца не вернется император с работниками. Ибо так приказал мне господин мой император Юстиниан, и ни за что не покину я этого места, пока не увижу его». Юноша же тот, который пришел, был ангел Господень, и принялся он за работу. И в мгновение одно построил он больше, чем мастера за три года. Мальчик же, поняв, что происходит, очень испугался. Ангел тем временем обратился к нему: «Иди, — говорит, — как сказал я тебе, во дворец, а я посторожу все за тебя». А мальчик ему: «Господи, — говорит, — не дерзну я, как сказал тебе, потому что император приказал мне не уходить

отсюда до тех пор, пока не увижу его». «Иди, – говорит ангел, – ибо клянусь тебе Святой Софией, что не уйду отсюда, до тех пор, пока ты не придешь».

Поверив клятвам ангела, мальчик ушел и отправился во дворец. Увидев его, император гневно спросил его, почему пришел он и бросил доверенное ему дело. Мальчик ответил на это, что пришел туда некий прекрасный юноша и велел ему отправляться во дворец, поклявшись сверх того Святой Софией, что не уйдет оттуда, доколе сам мальчик не придет к нему. Добавил он также, что начал тот юноша работать над постройкой церкви и за полчаса воздвиг больше, чем мастера за долгое время. Услышав это, посмотрел император из [окна] дворца вдаль, туда, где строили храм. И увидел он, что [храм] стал намного выше, как и сказал ему мальчик. И понял он, что юноша тот, которого видел мальчик, не может быть никем иным как ангелом, и возрадовался он весьма, видя, что в деле том стал ангел помощником ему. И подробно выспрашивал он у мальчика, что сказал ему тот юноша, отправивший его во дворец. Мальчик ему: «Поклялся, – говорит, – Святой Софией, что не уйдет оттуда, пока не вернусь туда». «Да будет так, – сказал император, – как сказал он, пусть всегда будет он там, пусть всегда остается там, как поклялся, и да будет стражем церкви тот добрый и прекрасный юноша, пока не вернешься к нему, чему, если это в моих силах, никогда не бывать. Пусть смотрит, сделает ли то, что пообещал. Святой Софией поклялся он, святою Премудростию, то есть Сыном Божиим, который есть Премудрость Отца, которой Отец создал все, землю, море, небесные светила». Сказав это, император Юстиниан отправил мальчика под стражей на один остров далеко от Константинополя, и не увидел тот больше Константинополя никогда в жизни. Император думал, что сможет так вечно удерживать ангела в той церкви, которую [император] строил, если не вернется

туда мальчик, которому поклялся ангел, что никогда не уйдет, пока сам мальчик не придет к нему²².

Построена эта церковь при чудесном сотрудничестве Божиим императором Юстинианом и освящена в честь Святой Софии, а по-латински будет святая Премудрость, которая есть Сын Божий. Это имя решили присвоить той церкви потому, что ангел, как мы сказали выше, поклялся Святой Софией²³. Это имя Сына Божиего, а не святой женщины, как некоторые думают. Построив наконец Святую Софию, призвал император патриарха, который в то время находился во граде Константинопольском, и сказал ему: «Благодатью Божией воздвигнута церковь, как хотел я, и думаю, что победил я Соломона. Это чудо. Он ведь был царем одного израильского народа, я же император всего круга земного. Итак, хочу я, чтобы дал ты мне совет, делать ли мне весь пол в той церкви из золота и серебра». Патриарх ему: «Доброе это и славное намерение, – говорит, – твое, однако не благословляю тебя делать то, о чем сказал ты. Ведь другие императоры, которые будут после тебя, не будут испытывать любви и уважения к тому, как ты построил церковь. И потому, если возникнет необходимость, возьмут они часть золота и серебра, попираемого ногами людей, и истратят на собственные нужды. Забери лучше то золото и серебро оттуда, где стремишься сделать золотой пол, и пусти его в дело там, где создают некое творение на престол, который будет во славу Божию и его святой церкви. Ни один из императоров не дерзнет ни ко святому престолу прикоснуться, ни ободрать что-нибудь из украшений его». Посчитав совет патриарха полезным, создал император удивительное и несравненное творение из чистого золота на престол Софии, которое

---

²² Рассказ об этом чуде, переведенный на ряд языков, входит в сборник легенд о строительстве храма Св. Софии – *Diegesis*. Быть может, Таррагонский паломник смог ознакомиться с ним, изучая греческий язык при библиотеке Св. Софии. Греческий текст *Diegesis* опубликован Прегером (*Preger Th. Scriptores originum Constantinopolitanarum*, I, Leipzig, 1901, p. 74-133). Дагрон (*Dagron G. Constantinople imaginaire*, Paris, 1984, p. 196-211) дает французский перевод и рассматривает устную традицию, к которой восходит фрагмент о патриархе, который советует Юстиниану употребить золото на престол.

²³ «Видели мы мать мира», «церковь Айя София (Aïe Sophie), то есть Святой Мудрости, при создании которой видимым образом ангел Божий поучал мастеров» (Аноним Ламброса, p. 339).

сохраняется и до сего дня²⁴. Сам император Юстиниан, сделанный из меди, сидит на медном коне на высоченнейшей колонне перед Святой Софией, с золотым венцом на голове, высокомернейше простерши длань свою против Иерусалима, так что кажется, будто он приносит клятву или грозит кому-то.

Рядом с той базиликой Святой Софии есть одна церковь Святой Богородицы, в которой хранится «зона» ее, то есть повязка вокруг груди, которой блаженная дева имела обыкновение подпоясывать девственное тело²⁵.

Есть и другая церковь, называемая Одигитрия, в которой находится славная икона Богородицы, которую, как говорят греки, написал блаженный евангелист Лука. Она пользуется величайшим почитанием во граде Константинопольском, настолько, что на протяжении всего года в третий день каждой недели обносится она клириками с величайшими почестями по городу, а перед ней и за ней идет превеликое множество мужчин и женщин, воспевающих хвалу Богородице и держащих в руках своих горящие свечи. В этой процессии, которая, как я говорил, бывает в третий день недели во всякое

²⁴ Аноним Ламброса упоминает «изумительный, сверкающий со всех сторон драгоценными камнями» престол Св. Софии (р. 339).

²⁵ Упоминание пояса Богородицы, который обычно именуется *cinctura*, а в нашем источнике – *fascia pectoralis* («повязка вокруг груди») и *zona*, представляет особый интерес. Различные описания Константинополя локализуют его в разных местах. Аноним Ламброса не сообщает точное местонахождение реликвии (р. 341). Таррагонский аноним говорит о церкви Богородицы Халкопратии близ храма Св. Софии, Аноним Меркати сообщает, что пояс находится в малой церкви во Влахернах, а часть его – в Большом дворце (с. 439, 452), где его видел и Антоний Новгородский. Русские паломники после 1200 г. видели пояс во Влахернах, но Александр (ок. 1390) говорит только о его части (*Majeska G. P. Russian travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth centuries. Washington, 1984, p. 39, 45, 93, 151, 163, 187, 336*). Армянский аноним XV в. сообщает, что эта святыня находилась в Халкопротийской капелле Влахернской церкви (*Brock S. A medieval Armenian pilgrim's Description of Constantinople // Revue des etudes armeniennes 4 (1967), p. 88, 100*). Наличие этой капеллы во Влахернах, обусловленное тесной связью двух богородичных церквей Константинополя (*Ciggar K. N. Op. cit., p. 135; M. van Esbroek. Le culte de la Vierge de Jevrusalem av Constantinople aux 6e-7e siecles // REV 46 (1988), p. 181-190*), объясняет «удвоение» этой реликвии и явное разногласие свидетельств. Наличие фрагмента пояса в Большом дворце может быть следствием активной политики Комнинов по собиранию важнейших святынь христианства в своей резиденции.

время, ты заметил бы на людях многочисленные и разнообразные одежды, услышал бы сладкозвучные голоса не только клириков, но и мирян, а чему еще больше подивился бы и было бы тебе любо – это женщины, облаченные в шелковые одеяния и воспевающие церковные песнопения, идущие позади иконы Богородицы, словно служанки, следующие за госпожой. И словами Псалмопевца юноши и девушки, стар и млад хвалит имя Господне, принявшего нас ради плоть от Марии. Тому благородным образу Богородицы предшествуют другие святые золотые образа без числа из других церквей, словно служанки госпоже. Она же следует позади других, как если бы она была им всем госпожа, кроткая лицом, но проявляющая себя приказанием. Затем в церкви, у которой в тот день бывает остановка, народом устраивается торжество. Туда стекается народ, и как внесут славный образ с почестями в церковь, где в тот день остановка, совершают богослужение; совершив все с надлежащими церемониями, с великими почестями несут ее обратно в место ее пребывания²⁶.

²⁶ Недавно опубликованное описание XIV в. (*Angelidi C. Un texte patriographique et edifiant: le «Discours narratif» sur les Hodegoi // REV 52 (1994), p. 113-149; рус. пер.: Повесть о храме Богородицы, именуемой Одигон / пер. и ком. А. М. Крюкова // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси, с. 464-475*) соответствует свидетельству Таррагонского анонима. О вторичных процессиях с иконой Одигитрии сообщает и Аноним Меркати (с. 443). Важные детали содержатся в книге «Об отбытии датчан во Святую Землю» (*De profectioe Danorum in Terram Sanctam*, конец XII в.). Этот текст (глава XXVI, «Об иконе святой Богородицы в Константинополе») остался незамеченным (*Scriptores minores historiae Danicae medii aevi / Ed. M. C. Gertz, II, Kobenhavn, 1918-1920, p. 490-491; Scriptores rerum Danicarum / Ed. J. Langebek, V, Kobenhavn 1783, p. 360-361*) и был вновь опубликован Сигтор (*Ciggaar K. N. Op. cit., 140*). Приводим его полностью.

«Пользуется величайшем почитанием там, где подобает, икона Богородицы, написанная на доске, по греческому обычаю, с выдающейся красотой. На своем языке называют они ее Еудоха, то есть Благая Слава, на народном же наречии – Odigitria. В определенные дни, как рассказывают, переносят ее из квартала в квартал, причем собираются бесчисленные толпы людей обою пола с кажением, так что виден дым сжигаемого фимиама, возносящийся в небесную высь. Из святости же и почтения, смешанного со страхом, никто из любящих сей век не дерзает коснуться до нее руками, но из тех, кто ведет уединенную жизнь в кельях, выбирают богобоязненные мужи, чтобы носить ее. В третий же день каждой недели вращаясь на глазах всего народа ангельским движением, словно захваченная каким-то вихрем, она кружит вместе с собой своего носильщика, так что из-за удивительной быстроты кажется созерцающим, что глаза их обманывают. Собравшиеся по обычаю своему бьют себя в грудь и восклицают: *Kyrie eleison, Christe*

Находясь в вышеупомянутом городе, слышал я, что рассказывали еще об одном чуде этой иконы. Когда несли вышеупомянутый образ блаженной Богородицы через город и проходили рядом с базиликой Святого Спасителя, у входа в которую находится Его, Христа, прекрасное изображение, обернулась сама собой святая Богородица к Сыну своему, помимо воли несущего ее, и повернулся образ матери, чтобы видеть лик Сына, желая узреть и почтить Сына, сделавшего ее царицей ангелов. Что до меня, то не видел я этого, ибо не присматривался, но, оставаясь там, услышал об этом²⁷.

Во граде Константинопольском не высоко ценят чудеса святых, ибо они многочисленны и случаются постоянно. В том славном городе чудеса и удивительные деяния Богородицы блистают больше, чем где-нибудь еще в мире. Это по заслугам. Ибо там больше любят и почитают [Богородицу], чем в других частях света. Также говорится и считается, что это родной и любимой город Богородицы. Ведь давным-давно, когда император Константин, преданный ревнитель христианства, раздумывал, и в раздумьях спросил, в каком месте лучше всего построить ему город, который господствовал бы в империи, явился ему Христос, как рассказывается у греков в книгах, и, показав ему место, где построить задуманный им город, сказал ему: «Иди и создай на месте сем город Матери Моей». Тот заложил и отстроил город Константинополь на месте, показанном ему Господом. Когда же подошла смерть его, вверил он город в руки Бога и милостивой Матери Его. Она сохраняет город днем и ночью, являя заботу свою во множестве чудес. Об одном из многих расскажу, во славу и хвалу Богородице.

Некогда два войска взяли град Константинопольский в кольцо осады со всех сторон, с суши и с моря. Враги подступили к стенам и готовились взять город. Константинопольцы, окруженные врагами, уже не в силах сопротивляться столь великой силе, бросились искать

---

eleison. Очень о многом можно еще рассказать, но, дабы не вызвать пренебрежение читателя многословием, об остальном предпочту лучше умолчать, нежели рассказать: ведь любопытство человеческое более тщеславию угождает, чем благочестию».

²⁷ Речь идет, вероятно, о церкви Халки, находившейся совсем рядом с церковью Одигитрии. Приветствие иконы Матери иконе Сына имеет аналог и в римских процессиях (Ciggaar, Op. cit., 139).

защиты у того, кто, после Бога, во всех их нуждах дает им прибежище — устремились в базилику Богородицы. Взяв там Ее святой образ, обнесли они весь город, и все следовали за [иконой] с песнопениями, слезно моля Богородицу смилостивиться, чтобы защитила Она град свой от окружившей его вражеской опасности. Чего же боле? Взволновалось внезапно море...²⁸

---

²⁸ Речь идет об осаде Константинополя аварами с моря и суши в 626 г. Не совсем понятно, на какой образец ориентировался Таррагонский аноним. В начале XIII в. Готье де Куанси использует эту легенду в своем сборнике Чудес Богоматери. См.: *Baynes N. H. The supernatural defenders of Constantinople // An. Boll. 67 (1949), p. 165-177.*

АНТОНИЙ НОВГОРОДСКИЙ. ОПИСАНИЕ СВЯТЫНЬ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Предисловие и примечания

А. М. Лидова

«Книга паломник» Добрыни Ядрейковича, будущего Новгородского архиепископа Антония, представляет собой редкое по полноте и древности описание святынь Константинополя¹. Огромное значение имеет и тот факт, что этот русский православный паломник посетил византийскую столицу в 1200 г., незадолго до разорения города крестоносцами Четвертого похода, опустошившими константинопольские святилища и похитившими значительную часть реликвий. Антоний описал «святой град» в эпоху его расцвета, когда он представлял собой уникальный комплекс чудотворящих икон и реликвий, который поражал воображение всего христианского мира. «Книга Паломник» сохранилась в ряде списков, три из которых относятся к XVI в.² В настоящем издании приводится так называемый Забелинский список (ГИМ, собр. Забелина, № 1465, лл. 434 об.-445 об.) – самый краткий из трех ранних. Фактически он больше похож на перечень, в котором древнерусский книжник оставил лишь самое существенное, сконцентрировав внимание на святынях Святой Софии. Можно согласиться с мнением М. Н. Сперанского, который считал, что этот список был предназначен для неизвестного сводного путеводителя по святыням Царьграда³. В данной связи интересно сравнение с более подробными версиями, иногда позволяющее понять

---

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987, с. 39-40.

² Белоброва О. А. «Книга Паломник» Антония Новгородского (к изучению текста) // ТОДРЛ, 29 (1974), с.178-185.

³ Материалы этого путеводителя и составили Забелинский сборник: Сперанский М. Н. Собрание рукописей И. Е. Забелина // Отчет ГИМ за 1916-1925 гг. М., 1926.

логику сокращений. К примеру, заметим, что в Забелинском списке отсутствует даже упоминание о важнейших реликвиях церкви Богородицы Фаросской – императорского храма-реликвария⁴, который прекратил свое существование в XIII в. и поэтому не представлял интереса для более поздних паломников.

Текст издается по публикации: Белоброва О. А. О «Книге паломник» Антония Новгородского // Византийские очерки. М. 1977, с. 228–235. Важные поясняющие комментарии можно найти в не потерявших своего научного значения изданиях П. И. Савваитова⁵ и Хр. М. Лопарева⁶, а также в статьях Д. В. Айналова⁷.

Сказание о святых местех иже суть в Цариграде на уверение и на спасение всемь человеком

Божиим милосердием и помощью святых Софея, еже глаголет мудрость и присносущное слово божие.

⁴ В пространной версии об этих реликвиях говорится: «Се же во царских Златых полатах: крест честный, венец, губа, гвозди, кровь лежаще иная, баряница, копие, трость, повой святых Богородице и пояс и срачица Господня, плат шейный и лентион и калиги Господня, глава Павлова и апостола Филиппа тело, Епимахова глава и Феодора Тирона мощи, рука Иоана Крестителя правая, и тоя царя поставляют на царство; и посох железен, на нем крест Иоана Крестителя, и благословляют на царство; убрус, на нем же образ Христов, и керамиде две; и лоханя Господня мороморона и другая лоханя меньшая, мраморяна же, в ней же Христос умыл нозе учеником, креста два велика честная, же все во единой церкви в малей во святых Богородицы». См.: Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония архиепископа Новгородского в 1200 году / Под ред. Хр. М. Лопарева // Православный Палестинский сборник. Т. XVII. Вып. 3. СПб., 1899, с. 18–19.

⁵ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872.

⁶ Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония архиепископа Новгородского в 1200 году / Под ред. Хр. М. Лопарева // Православный Палестинский сборник. Т. XVII. Вып. 3. СПб., 1899.

⁷ Айналов Д. В. Примечания к тексту Книги Паломник Антония Новгородского // Журнал министерства народного просвещения, 1906. № 6, с. 233–276; 1908. № 11, с. 81–106; его же. Два примечания к тексту Антония Новгородского // Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1912, с. 181–186.

Прежде поклонихомся святей Софеи и пресвятаго гроба господня двоицею, целовахом ю и печати гробны и икону святую Богородицю, держащую Христа; в того бо Христа удари жидовин в горло ножем и шла кровь, и крови же господни изъшедши изъ иконы⁸.

И целовали есмы во олтари малом, ту же в том олтари кров и молоко Пантелеймона святаго во единой вите и не смятешесь, главу его, главу Кондратову апостола и иных святых мощи и главу святаго Ермола и Стратоника и Гермонову руку, ею же ставятся патриарси; икону святаго Спаса и пелены Христовы и дароносивыя сосуды златыи, иже принесоша Христу дары.

То же во святой Софеи в малом олтари телега сребрена святаго Константина и Олены. Ту же во олтари вода приведена по трубам и колодязи.

В ней и двери во олтари малаго стоит крест мерный, колько был возвыше плотию на земли⁹.

И зъ святым крестом лежит Анна, иже дала двери свои святой Софеи. На нем же поставлены и малый олтарь, и того ради положена есть.

И от того олтаря недалече Мироносицы поют. И стоит пред ними икона велика, святаа Богородица держащи Христа бога нашего. И дают воду от нея на помазание всею человеком¹⁰.

И оттоле на той же стороне церковь святаго апостола Петра¹¹, а в ней Стефанида святаа лежит, иже ключи держала святой Софеи. Тыи же ключи целуют. И ту у церкви лежит коверь святаго Николы. Ту же вносят Петровых вериг железю, вковано в златую икону; на праздник Петровых вериг целует патриарх.

От Мироносиць же блих в ней святей Софеи есть гроб мал детищъ святаго Анфиногиа, иных же гробов святей Софеи несть того развееен. У того гроба кадило палось с маслом на морюмр и не разбилося; туто место то огорожено древом, да человеци невесту поют.

---

⁸ Антоний начинает рассказ с упоминания реликвий Плиты от Гроба Господня и иконы Богоматери Махейратейсы (Пронзенной ножом), находившихся в юго-восточной части храма, где был один из главных входов в Св. Софию.

⁹ Речь идет о кресте, высота которого совпадала с ростом Христа.

¹⁰ Речь идет о широко распространенной практике омовения чудотворных икон.

¹¹ Придел Св. Вериг апостола Петра, находившийся в северном нефе.

Оттоле столп есть, ко дверем идучи, святого Григория чудотворца, обит досками медянными¹². И у того бо явися Григорей и народ.

От святей Софеи у олтаря на правой стороне мрамор багрян. И ту поставляют престол, а престоле поставляют царя на царство¹³.

Сторонь же того места огорожено медью, да на нь человеци не вступают, мужи и жены¹⁴.

На той же стороне поставлена икона велика святыи Борис и Глеб. И ту иконы продают. И горе на полатах стоит патриарх, коли служит.

В том же притворе над дверми горе написан Стефан мученикъ.

Вне того притвора церковнаго святого Николы. И ту вскипело в кадиле молоко.

Коли делаючи святую Софею, во олтари стены кладены святыи мощи.

И кладязей же много во святей Софеи. На полатах же колодязи мнози, огород у патриарха у церкви, мнози овощи всяк(и). Также у царя есть баня патриархова. На полатах воды возведены по трубам, а другаа дождеваа вода.

На полатах же исписаны патриархы вси и цари, колько их было и кто их передержал.

На полатах же 5 тел лежат. Святого Аверкия и Григорьево великаа Армении и Селиверстово и Кира, Иоана и иных мощей много во святей Софеи.

И Преображение святого Николы в притворе.

Ту же крестилница виднаа и написан в ней Христос во Иердане, от Иоанна крестися, деянием и како или млади и дети мечются во Иердан и людие¹⁵.

Туту же чинит у древа патриарх икону святого Спаса, 30 лакоть возвыше.

---

¹² Столп св. Григория Чудотворца, обитый медными досками, сохранился до нашего времени в северо-западном углу Св. Софии.

¹³ Особая инкрустация в полу, сделанная мрамором в виде багряного круга, сохранилась в центральном нефе справа перед алтарем.

¹⁴ Видимо, речь идет о почитаемом пространстве явления в храме Богородицы.

¹⁵ Антоний отмечает оригинальную особенность иконографии Крещения. Вероятно, были изображены дети, прыгающие в воду за брошенным крестом, — обряд из празднования Богоявления, распространенный на Балканах с византийского времени (получил распространение в иконографии палеологовской эпохи).

В тех же полатах Костянтинов крест верху во олтарных их двери и стоит, с нимъ же рать избил. Ту же труба Исуса Навигна Ерихонъскаго взятя. Ту же во олтари Авраамова овна рога; вострубит аггел во второе пришествие господне.

В малом же олтари за святою трапезою покрыта трапеза, на ней же Авраамъ со святою Троицею ел. И ту же стоит крест в лозе в Ноеве учинен, ею же по потопе насади сучець маслин, ту же голуб внесе в ковчег.

А переходе же у великаго олтаря учинен щит Костянтинов, а на нем ставется агнецъ.

Целова же есми святую Богородицю Одигитрею великую, юже Лука святыи написал. Иже ходит по граду и пятницу, в ней же роте водят Влажерну святую, к ней же дух сходит.

В той же церкви риза святей Богородици и посох богородичен.

А пояс святии Богородици в прикупной в раце лежит.

Ту же и Семюна Богоприимца гроб.

В той же церкви под трапезою святыи Иаковъ брат господень лежит.

Ту же святыи пророк Захарья лежит.

Ту же в церкви младно половина лежить во столпе, а половина во Иерусалиме лежит.

Ту лежит у церкви 12 коша хлеба исполнено Христомъ, их же господь со ученики своими ял; той же хлеб в стене запечатан есть.

А оттоле святыя Фотини самаряныни в церькви, и ту очи ей и перси и мощи лежат.

Оттоле же святыи Козма и Дамьян церков велика. Ту же святаго Онкудина лоб и Козмин, окован серебром.

Оттоле к морю идучи святаа девице в теле лежит акы жива, скручена и Преображение святаго над морем долей.

И оттоле над морем же святыи Никола в теле лежит.

Оттоле святыи Фрол и Лавр лежат в теле у старой церкви святаго Никиты и нога его.

Влиз ту церкви святаго Георгия у обую же сею церковью множество мученикъ бывает.

Влиз же того святыи Никифор патриарх царегородский лежит.

Есть же монастырь к Лахерне идучи святаго Иоанна Предтечи; и ту впускают людие на великий праздник 3 год до года и кормят всех; чернцев же есть 200; а сел

не держат, но божиею благодатиею посещени суть и молитвою святого Иоанна питаеми суть.

Сторонь же того монастыря святого Григориа и ту лежит святой Феодор Секиоть во сребрене гробе.

Сторонь же Апостольстии Всех святых, и ту голова святого Филипа апостола и иных святых мощи.

В Козмодемьянове монастыре Козмы и Дамиановы головы и мощи.

Ту же святый Еуфимеа в теле лежит. Се же от сего 10-е лето явишася плотию от земля; не ведяху бо се, где положена. Святый бо отци тою Еуфимиею препреша еретики.

А святая Федосья девица в женском монастыри лежит.

Оттоле близ святой Исаиа пророк под тряпезою лежит.

Сторонь же той церкви Лаврентиа святого, ту мощи его.

Оттоле идучи горе, святой Антоней отець лежит.

А от того святой Павел белець на Лугареве.

Святой Иоан Кушник лежит у врат двора своего; и крест на его железне пососе.

На Чермнем великом удоле идеже свеча вжигается на велик день, ту же лежит святой Ауксентин отець.

На том же удоле святой Маковей лежит.

Сторонь же того церковь святого Платона, ту же и мощи его и святого Иоана Милостиваго.

И боарин ту в теле лежит. На том же удоле святого Павла исповедника дом, и ту его мощи под тряпезою и амофор и патриархиль целуют.

Конець же убола руськаго церкви святых 40 и мощи их ту лежат.

И святого Аникиа голову же. А иныи мощи в Севастии.

И оттоле церковь святого Прокофья, и ту лоб его.

У Панекратова же монастыря у задных ворот святой Константин лежит царь в теле акы жив.

Сторонь же тое церкви святый мученици Настасии девицы, ту и мощи ея; всякое волхование и повторы обл(и) ваються.

А у святое Варвары в церкви мощи ея, ис сесцу шла кровь и млеко на землю. И учинил бог камень сесец.

У Благовещения же святый Богородици Роман певець лежит.

А оттоле святого Василья монастырь, ту патрахиль его и кость его ручнаа и Семиона Богоприимца.

И оттоле святого Стефана первомученика церковь и иных святых мощей много.

А оттоле церковь святых исповедник Гуриа и Самона и Авива, ту же и мощи их.

Сторонь того церковь святого Анисима, ученика святого апостола Павла, ту же и мощи его.

У Лахернии церковь, святой Феодор Стратилат лежит в полатах. Ту и щит его и меч, над ним стоит икона Иоана Крестителя.

Святого жь Иоале у святого Григория в монастыри лежит. И верх главы Григория и рука святого мученика Прокофья и иных святых мощи.

Олтарь чинен з дорогим камением, с жемчюгом, а кывот весь сребрян.

От 40 по умболу к Коневу торгу идут по левой стороне, есть церковь святой Богородици; и в ней трапеза господня, на ней вечерял господь.

У святой же церкви Апостольской святой Костянтин царь со Еленю лежит во едином гробе. За тым же гробом лежит мрамор, а в нем стопа святого Петра, акы в воск вступил. Той же камень из Рима привезен.

Во олтари лежит святой Иоанн Златоустый, Григорей Богослов.

На олтарнем перегороде святых безмездник мощи 3 раки сребряны, главы апостол Иакова господня, Матфеева, иных апостол мощи.

У Апостольское же церкви под тряпезю святой Андрей и Лука и Тимофей лежит. А порты апосторльскии во олтари над тряпезю во гробе лежат.

Ту же в церкви святого Спиридона глава, а рука его и мощи у святии Богородици у Одигитреа в монастыри.

А в Калуанове монастыри святого Власиа глава.

А в Филатропезе монастыри гвоздь господень и крест честный и мощи святых.

В Пандофтии же монастыри гвоздя господня часть и мощи святых.

А у Золотых ворот святой Дмитрей и мощи его лежат.

Оттоле мощи святого Мамонта, и ту монастырь его.

Оттоле святого Марка и Папилы в женьском монастыри во едином гробе лежат. А тут церковь поставил царь Костянтин.

Сторонь же того Трояндофилица монастырь, ту же множество мощей святых, Илииных милоти. Той же монастырь города и селы и золотом богатее всех монастырев в Цариграде.

Оттоле святой Стефан в монастыри лежит.

Близ того монастыря женский, в нем же лежит во едином гробе 10 мученик и девица в теле церковь наверху лежит; тых же всех мучил Купроним поганый царь.

Оттоле святого Мокея монастырь, а в нем церковь велика; в той же церкви лежит Мокей святой и Самсон, от гроба его вода идет.

Недалече от монастыря его новый отец Еуфими лежит, окова вся, в железе ходил.

И оттоле же Кир, Иоанн, мощи их.

Сторонь же тое церкви святого Луки есть, иже всех умерших погребать. В той же церкви Настасий без главы, — главу его украли.

А оттоле святой Дмитрий белець в теле лежит.

А от него в монастыри мужском глава святого отца Дия и мощи есть.

У столпа же посторонь Богородична же монастыря лежит Еудоким во серебряне гробе, аки живь.

У Романовых ворот святой великий пророк Данил лежит и Роман святых ни и Никита.

Сторон же того места при стене городской и святаа Настасиа девица лежит в теле.

А оттоле святого Агафоника церковь; великаго Акакиа, уже поставил Костянтин царь, ту и мощи его.

За одрумием же церкви святых Сергия и Вакха; и главы их ту лежат и рука Сергия и Вакха и кровь святого Епимаха.

Ту за Подрумием же церковь святой Еуфимьи, ту же и гроб ей тощ, серебром окован. В той же церкви святой отец Георгий в теле лежит.

В церкви святого Самсона ипатрахиль его и ризы и посох; Арест святой.

И у святого Анкудина и у святого Анфуя голова Фомина и нога цела и лоб святого Фомы апостола за Пятерицею.

А Христова сторонь святии Софеи. И ту же множество народа приходящаго, бога молят о спасении душ своих и за весь мир крестьянский.

Се же из вону града, поиду святыи Спас в дубу образился.

А в Пигасе в Руском городе и церковь Борис и Глеб. И ту бывает множество прощения болным.

И есть в той же церкви 7 апостолов Урванова чадь, а та церковь стала преж Царяграда.

Сторонь же того женский монастырь святого Иакова Перьскаго.

Ту же Мариа святаа в теле лежит.

А оттоле святой Орины церковь; и мощи ее ту лежат. Оттоле в женском монастыри Орины голова лежит.

От него Лазарь писець и иконный лежит. Той бо исперва написал во святей Софеи во Цареграде во олтари святую Богородицю держаща два аггела.

От него же монастырь святого апостола Ананьи, голова и мощи его ту.

А оттоле святыи Фока кормьник лежит.

В Мачювоуе монастыри ту же святыи Насор лежит.

И есть же монастырь за Пигасом на горе. И святыи Борис чернець на столпе седел. Сел же нету у него. И явилась игумену святаа Богородица. И повелела даяти милостыню всякому человеку, да не оскудеет место, то и ныне дают милостыню по вся дни, хлеб и вариво и вина по чаши. Всякий же русин, кто во Иерусалимь идет или из Ерусалима, в том монастыри вся дни едят.

До святой же Пятници от Царяграда день пешу ити.

А вне Золота ворота святыи Никола пробилоб и покована вся икона серебром позолоченым. А коли прииде царь, то открывают серебро и целуют главу царь, отнуду же кровь шла и паки покрывают серебром.

И дошед же святаа Пятници мало, святаа Еуфимья в теле лежит. И носят ю на перенос.

А от нея Олена девица.

У поля же лежит новый отець Еуфимий.

Се же паки Цареград Мануил царь испытывал по всей области греческой, повелел звати всех попов и давати Петру и монастыревь, колько есть от конца суда и до другаго коньца, попов 40 тысящ кроме монастырьских, А монастырьских 14 тысящ.

У святой Софеи попов 3000, пять же сот ругу емлют, а полтретьи тысящи не емлют. Егда же умереть поп от пяти сот, то от полутретьи тысящи входят на место его и спасаются, церкви славящи святую, отца и сына и святого духа.

НИКОЛАЙ МЕСАРИТ.
РЕЛИКВИИ ЦЕРКВИ БОГОМАТЕРИ ФАРОССКОЙ В
КОНСТАНТИНОПОЛЕ¹

Перевод с греческого А. Ю. Никифоровой,
предисловие А. М. Лидова

Публикуемое свидетельство представляет собой часть «Слова», произнесенного в 1201 г. в связи со спасением реликвий Фаросской церкви во время захвата Большого императорского дворца толпами восставших. Сам автор, не только современник, но и участник событий, рассказывает, как он своим красноречием остановил ворвавшийся в храм народ, уже готовый разграбить императорский храм-реликварий. О себе он сообщает: «...Многие знают меня как ризничего известных и неизвестных священных предметов, хранящихся в замечательном храме Богоматери Фаросской, именуемой Икокира»². Таким образом, Николай Месарит был скевофилаксом (хранителем) важнейших реликвий империи, обладавшим всей полнотой знаний о святынях Богоматери Фаросской.

Значение этой церкви как архетипического образца для всего православного мира усиливалось ее высшим императорским статусом, а также тем, что в это перенасыщенное иконными образами и драгоценным сиянием пространство были введены главные реликвии христианского мира, доступные для обозрения и

---

¹ Перевод выполнен по изд.: Nikolaos Mesarites. Die Palastrevolution des Johannes Komnenos / Ed. A. Heisenberg. Würzburg 1907, S. 29-31.

² Название Икокира (Госпожа Дома) связано с хранившейся в храме Богоматери Фаросской за престолом чудотворной иконой Богородицы Икокиры, о которой Николай Месарит говорит еще раз в том же тексте: «Сей храм Божий, дворец Господа Пантократора, покои Икокиры...»

поклонения³. Хотя во время особых богослужений реликвии могли менять свое расположение, их постоянным местом пребывания был, по всей видимости, придел в восточной части южного нефа. Согласно «Повести императора Константина», именно там 16 августа 944 г. помещают Мандилион. Важное косвенное подтверждение находим в рассказе Месарита: он упоминает о преграде со столбиками, отделяющей «диаконник» от южного нефа. Разговаривая в храме с восставшей толпой, он прислоняется к этим столбикам, как бы отражая атаку на эту часть храма. Диаконник-реликварий Фаросской церкви мог послужить образцом в организации этого компартамента в других частях православного мира. Это место в храме имело уникальное обрамление, как ясно из другого свидетельства Месарита: «После блистательной, как сказали бы, победы возвратившись в храм, мы оглядели этот южный придел (*mesembrinon klitos*)... сооружение со скатами, из стекла и деревянных перекрытий (*stauromaton*), пропускающее солнечные лучи словно сквозь невидимые поры стекл внутрь храма»⁴. Описание наводит на мысль о необычной конструкции, уникальной инсталляции из дерева и стекла (или хрустала), в которой огромную роль играл преломляющийся свет солнечных лучей. Реликвии должны были находиться в мистически сияющей, переливающейся золотоносной среде. Знаменательно, что большинство реликвий, в отличие от заключенных в ларцы Мандилиона и Керамиона, были доступны для созерцания, что в конце XI в. специально отмечается Таррагонским анонимом⁵.

Основу текста составляет описание десяти важнейших реликвий Страстей, сделанное в риторической форме Декалога, призванной вызвать в памяти десять заповедей, полученных Моисеем на горе Хорив. Заданная форма не позволила включить в перечень даже важнейшие святыни, некоторые из них упоминаются отдельно (как Мандилион и Керамион). В целом искушенный византийский

---

³ Подробно о храме и его святынях см.: А. М. Лидов. Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005, с. 79–108.

⁴ Heisenberg A. Die Palasrevolution des Johannes Komnenos., S. 32. Пер. А. Ю. Никифоровой.

⁵ См.: Таррагонский аноним. «О граде Константинополе»...

автор трактует тему метафорически, однако в ряде случаев сообщает интереснейшие сведения о том, как выглядели реликвии. Из всего перечня до нашего времени уцелели четыре святыни Фаросской церкви, избежавшие уничтожения в 1793 г., когда большая часть Фаросских святынь, проданная Людовику Святому и с XIII в. хранившаяся в Сен-Шапель в Париже, была просто выброшена революционерами на помойку. В ризнице парижской Нотр-Дам до сих пор хранятся Терновый венец, Гвоздь Распятия и значительная часть Честного креста, а в Лувре реликварий с камнем от Гроба Господня, о котором также сообщает Николай Месарит.

Пожалуй, одно из самых странных замечаний Месарита относится к главной реликвии – Терновому венцу. Он отмечает, что венец чудесным образом зацветает и как бы сохраняется нетленным, что он «гладкий и нежный» и не имеет острых колючек, а скорее напоминает цветы. Свидетельство вступает в неразрешимое противоречие с многовековой традицией, особенно популярной на Западе, изображений колючих шипов, оставляющих кровавые раны на лице Христовом. Свидетельство можно было бы рассмотреть как поэтическое преувеличение, если бы не сохранилась сама реликвия, которую мне посчастливилось получить для исследования в 2002 г. в сокровищнице Собора Парижской Богоматери. Терновый венец из Фаросской церкви (ныне хранящийся в Париже) полностью соответствует описанию Николая Месарита. Он совершенно лишен колючек и шипов, ничем не напоминает жесткий кустарник, а представляет собой мягкий венок из нескольких засохших полевых растений, переплетенных золотой проволокой. Мягкость сухого венка позволяет всерьез отнестись к известию о ежегодном чуде его цветения в Византии. К сожалению, в конце XIX в. венец был запаян в кольцеобразную стеклянную колбу, и научное исследование растений никогда не проводилось. Примечательно, что отсутствие реальных шипов не мешало французским королям отправлять в качестве особо ценного дара реликвии «шипов от тернового венца» в разные страны христианского мира.

Еще одно место в тексте Месарита нуждается в специальном комментарии, а именно его описание пространства храма, которое получило разноречивые толкования в науке: *«Этот храм, это место – иной Синай, Вифлеем, Иордан, Иерусалим, Назарет, Вифания, Галилея, Тивериада, умовение ног, тайная вечеря, гора Фавор,*

преторий Пилата и место Краниево, по-еврейски называемое Голгофа. Здесь рождается, здесь крещается, шествует по морю, ходит по суше, творит чудеса, уничтожается подле купели. Купель покоряется, и Христос не одного или двух, и даже не просто многих „Лазарей“ смердящих воскрешает из мертвых, но тысячи тел, умерших и стоящих на пороге смерти, и души, пребывавшие во грехе столькие дни и столькие часы, возводит из гроба и возвращает им здоровье, являя нам пример молитвы – сколько необходимо пролить слез и сколько молиться. Здесь Его распинают, и зрящий да узрит подножие [распятия]. Там Его погребают, и камень, отваленный от гроба, в этом храме свидетельствует о Слове. Здесь Он воскресает, и сударион с гробными пеленами – в удостоверение».

Здесь описываются, по мнению издателя текста А. Хайзенберга⁶, настенные изображения храма. К. Манго полагает, что «этот цикл (если речь идет действительно об изображениях) мог был быть дополнен в комниновскую эпоху» к более ранней мозаичной декорации, описанной в десятой гомилии Фотия, архиепископа Константинопольского⁷. Однако, на наш взгляд, описание Месарита относится не к изображениям на стенах, но ко всему пространству храма, насыщенному реликвиями Святой Земли⁸. Николай Месарит рассматривает храм как

⁶ Heisenberg. Op. cit., S. 66-67.

⁷ C. Mango. Homilies of Photius Patriarch of Constantinople. Cambridge, 1958, p. 183. См. описание Фотия: «То же, что от меня ускользнуло и о чем надо было бы сказать в начале – но чудо храма не позволяет говорящему как следует завершить свое дело в словах – о том скажу сейчас. В самом куполе многоцветной мозаикой начертан образ, несущий изображение Христа. Ты скажешь, что Он взирает на землю и помышляет об ее устройении и управлении. Настолько точно художник, думаю, под действием [Божественного] вдохновения, линиями и цветами запечатлел попечение Создателя о нас. На выпуклых же частях полусферы, находящихся под куполом, изображен сонм Ангелов, доносящих Владыку всех. Апсида же, поднимающаяся от алтаря, блистает образом Девы, распростирающей пречистые руки над нами и содействующей царю спасение и на врагов одоление. А хор мучеников и апостолов, а также патриархов и пророков наполняет весь храм, украшая его своими изображениями. Один из [пророков] молча вопиет теми словами, которые некогда изрек: „Коль возлюбленны селения Твоя, Господи сил, желает и скончается душа моя во двory Господни“ (Пс. 83, 2-3). Другой – „Яко чудно место сие. Несть сие, но дом Божий и сия врата небесная“ (Быт. 28, 17)» (пер. В. В. Василика).

⁸ Лидов А. М. Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Византийский

символический образ Св. Земли и литургическое пространство, в котором свершается Домостроительство спасения. Его описание находит близкие аналогии в литургических комментариях эпохи, в первую очередь, в «историческом» истолковании Николая Андидского. Конкретность описания определяется как литургическими вкусами времени, так и присутствием в храме прославленных реликвий, на которые в тексте содержатся прямые указания (Камень от гробницы, Гробные пелены).

Возможно, уникальная экспозиция в юго-восточной части Фаросской церкви имела цель представить пространственную икону Гроба Господня, подтвержденную всей полнотой материальных свидетельств Страстей Христовых. Насколько сознательной была эта программа, позволяет судить еще один текст Николая Месарита – его надгробное слово по случаю смерти брата Иоанна. Из текста следует, что в юности Иоанн пытался отправиться в Святую Землю, поездка сорвалась, и Николай Месарит приводит слова их отца к Иоанну, который внушал сыну, что нет необходимости идти в далекую Палестину, поскольку Святая Земля уже находится в Константинополе: *«Христос прославился в Иудее, но он присутствует и среди нас. Там гробница Господня, но у нас пелены и плащаница. Там место Краниево, но крест с подножием здесь, здесь предлагаются и венец с терниями, губка, копьё и трость... Неописываемое... запечатленным на полотне и отображенным на черепице... Это место, мой сын, есть Иерусалим, Тивериада, Назарет, гора Фавор, Вифания и Вифлеем»*⁹. Интересно, что последнее предложение почти дословно совпадает с описанием Фаросской церкви того же Николая Месарита. В обоих случаях говорится не об изображениях на стенах, но о реальном присутствии реликвий. Именно они создают иконные образы Святой Земли, делающие Фаросский храм самодостаточным образом-архетипом Гроба Господня, который мог служить полноценной заменой своего иерусалимского прототипа.

мир: искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005, с. 79–108.

⁹ *Magdalino P. L'evglise du Phare et les reliques de la Passion // Byzance et les reliques du Christ / Ed. J. Durand, B. Flusia. Paris, 2004, p. 27.*

***

12. Словно стремительной поступью мы с воодушевлением достигли преддверия (provqura) храма. Вглядываясь, я вижу мужей-меченосцев, дышащих пламенем; разного рода ножи у них в руках, невидимые мечи и сабли, рассекающие двоедверие (divquron) храма, нагибающиеся через некие проемы в дверях и готовые ступить вниз, вззирающие на происходящее [в храме], на эти золотые царские врата (taV" wjraiva" puvla"). Однако в то же время мне казалось, что они были удерживаемы благодаря содействию Богородицы, вооруженные препоясались оружием, и для меня, обращающегося к ним то едкими, то ласковыми словами, они имели нечто таинственное. Они как бы говорили: «О вы, нечестивцы, лишь для того пришедшие, чтоб осквернить святыню (ta □gia), божественного не стыдящиеся и не имеющие представления о человеческой совести, надругавшиеся над христианским чувством, поправшие божественные законы, что же вы делаете?» Вы уберегли божий храм от грабежа, сохранили неприкосновенным. Наши запятнанные преступлениями и скверные руки соплетают нечестие, творят беззаконие. Подобно нечестивцам, уйдите прочь от божьего храма, как творящие недозволенное, отступите подальше от него. Эти врата – Эдем, и там огненный меч, приходящих без покаяния прободающий и опаляющий. Прошу вас, братья, да возродимся благодаря святому Духу и крещению, не продолжайте свой [путь], на [путь] иной сверните, по иной [стезе] устремите свои стопы. Ибо я утратился не того, что вы не будете среди тех, кто [находится] подле того Оси и неприкосновенного ложа Богородицы, взятой на небеса¹⁰. Вот кивот и новый Силоам, кивот, неким иным способом содержащий и декалог... о людие, невежды... учитесь же драгоценным призывам этого декалога и грядущему поколению передайте это божественное повествование, исходящее из моих уст. Далее следует декалог.

13. Первым для поклонения предлагается терновый венец (o& a" kavnqino" stevfano)¹¹, еще зеленеющий и цветущий и

---

¹⁰ Вызывает в памяти предание о попытке осквернения ложа умершей Богородицы нечестивым иудеем, которому слетевший с небес ангел отрубил руки.

¹¹ Мф. 27, 29; Мк. 15, 17; Ин. 19, 5.

остающийся нетленным, ибо причастен бессмертию от прикосновения Владычней главы Христа, в обличение иудеев, всё ещё пребывающих неверными и Кресту не поклоняющихся Христову. На вид он не грубый, при прикосновении не колючий, не вызывает печали, но, напротив, выглядит благоцветным и, если бы было возможно дотронуться, — гладкий и нежный. Цветы его — не те, растущие в изгородях виноградников и стаскивающие на себя края и кайму одежды, словно ворISHKI платьев награбленное, а иной раз и больно царапающие ногу зацепившегося и окровавливающие ее этими дикими колючками, — отнюдь не эти! Но подобные цветам ливанским, растущим в виде мельчайших росточков, по образу цветущей лозы, распускающихся лепесточков.

Честной гвоздь (tivmio" h%lo")¹², до нынешнего времени не изъеденный никакой ржавчиной из-за того, что пронзил с другими тремя [гвоздями] чуждую скверны и никакому злу не причастную плоть Христа во время Страстей. Гвоздь сей огнем Божества обуглен, и Господской кровью гвоздь сей закален¹³. Во внутренняя убийцы гвоздь сей вошел и начальника зла, не умирающего по природе, словно иным невещественным способом умертвил.

Бич, тоже железный (fragevllion sidhrou'n kaiV aujrov)¹⁴, ошейник (kloioV" ejpaucevno")¹⁵, раскрывающийся, когда его держат в руках, и сложенный, когда неприкосновенный хранится в реликварии. [Этот ошейник] кольцом окружил шею

¹² Ин. 20, 25. Архиеп. Сергей (Спасский) сообщает, что в константинопольской богослужебной практике гвозди Господни вспоминались дважды в год — 14 сентября и 6 марта: *Сергий (Спасский)*. Полный Месяцеслов Востока. М., 1997. Т. III, с. 668).

¹³ Ср. с эпиграммой рукописи Marc. gr. 524 (XIII-XIV вв.) № 1 («На образ св. Георгия»): «А ты, великий Христа Бога мученик, / не пренебрег огнем божественной любви, / который низвести пришел Христос свою (tou' pu'g balei'n e"lqovnto" ejnqevou povqou) / любовь Он в пламени мучений выковал (ejxecalkeuvsanto basavnwn flovgē) и ток кровей горячих закалил ее (rou" ejpestovmwse qermw'n aiJmavtwn)». Аллюзия на слова Христа: «Огонь пришел я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (Лк. 12, 49).

¹⁴ Кнут, которым бичевали Христа (от лат. flagellum).

¹⁵ Упомянутое западными паломниками орудие пыток, которым Христос за шею был прикован во время бичевания. См.: *Vacci M. Relics of the Pharos Chapel: a view from the Latin West // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003, с. 239-249.*

гордовьяного сатаны¹⁶ и на поправление положил [его] не только мужам, но и молодым девицам.

Гробные пелены Христа (ejntavfoi sindovne)¹⁷. Они – из льна, дешевого простого материала, еще дышащие миром, возвышающиеся над тлением, ибо невместимого, мертвого, обнаженного, умщенного после Страстей обвивали.

Этот повязываемый поверх одежды лентион (levntion)¹⁸, который многие называют полотенцем, и до нынешнего дня хранящий чудо – влагу и воду, вытертую с апостольских прекрасных ног, благовестивших мир.

Копие (lovgh)¹⁹, Господне ребро прободившее, имеющее вид обоюдоострого меча, [сложенного] в форме крестного знаменья. Тот, чей взгляд острый и пронизательный, увидит, что все оно окровавлено, окрашенное кровью и сверхъестественно источившейся из ребра Спасителя водой.

Сей багряный хитон (porfurov'n iJmavtion)²⁰, в который нечестивцы, глумясь [над Христом] словно над царем иудейским²¹, облекли Господа славы, и в таком одеянии подвергли Бессмертного багряной смерти.

В десницу Христу Спасителю данная трость (kavlamov)²², сокрушившая главу начальника зла – сатаны, принявшего змиев вид, облекшегося в образ змия, чтобы обмануть Еву и через нее Адама и так изгнать их из рая. Трость, не та, что привычна для нас – изящная, округлая и хрупкая,

¹⁶ Аллюзия на Ис. 58, 5.

¹⁷ Мф. 27, 59; Мк. 15, 46; Лк. 23, 53 и 24, 12.

¹⁸ Полотенце, которым был препоясан Христос и которым Он отирал ноги Своим ученикам. См.: Ин. 13, 4-5.

¹⁹ Ин. 19, 34; Мф. 27, 49. Согласно Типикону Великой Церкви (X в.), в Великий Четверток и в Великий Пяток в Святой Софии совершается «поклонение честному и святому копию, прободившему животворящее ребро великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». Чинопоследование см.: Mateos J. Le Typicon de la Grand Eglise. Ms. Saint-Croix n. 40, X-e siecle / Introd., texte critique, trad. et notes par J. Mateos. S. I. T. I. Roma 1962 [OCA 165]. P. 72-81.

²⁰ Мф. 27, 28; Мк. 15, 17; Ин. 19, 2, Ап. 17, 4, 18, 16.

²¹ Ср. с эпиграммой рукописи Marc. Gr. 524 № 93 «На покров (eij' ejnduvthn) святой трапезы с изображением святого Христова Воскресения»: «Хламидою червленой и порфирию / одеян древле был в насмешку, Слове, волею (clamuvda meVn proV" kokkivnhn kaiV porquvran v ejphmfavsw paiktikw" eJkwVn lovge)». Это аллюзия на евангельский эпизод поругания Христа воинами правителя после суда Пилата и перед Распятием: «одеяша Его хламидою (ejkdusante" aujtoVn clamuvda kokkivnhn) <> и егда поругашася Ему, совлекша с Него багряницу (o@te ejnevpaizan aujtoVn thVn clamuvda) облекоша Его в ризы Его» (Мф. 27, 28, 31).

²² Мф. 27, 29 и 48; Мк. 15, 19 и 36.

имеющая частые коленца, — но толстая, изрядной длины, простая, без коленцев, толстая, как рука крепкого мужчины. Именно такой [тростью] пользовались храбрые мужи Палестины вместо сосновых копий в военных схватках с врагами.

Следы Господних стоп (ilcñh tw'n kuriakw'n podw'n) — так называются сандалии (sandavlide"), сшитые из кожи и великолепно подходящие к Его прекрасным Божественным ногам. Длина этих стоп и ширина их не соразмерны пяди человека с идеальным сложением длани, но приближающиеся к соразмерному, ибо Он возлюбил соразмерность, а отсутствие меры возненавидел. Этими святыми следами дал нам Спаситель [власть] попирать змиев, и скорпионов, и всякую диавольскую силу²³.

В этом декалоге последний — камень, высеченный из Гроба (livqo" ejkkekommevno" tou' mnhvmato")²⁴, камень, языческие алтари сокрушивший и истончивший в прах. Камень этот, иной камень Иакова²⁵, воскресения Христова из мертвых свидетельство. Камень сей краеугольный краеугольного Христа²⁶, различные народы Богопознанием воспламенивший, в единой, крепкой и непоколебимой вере соединивший. Камень, ставший гробом Богочеловека. Им побиваем мы мысленного Голиафа²⁷ и умерщвляем смерть.

14. Итак, вот перед вами, люди, декалог. Представлю же теперь и Самого Законодавца, запечатленного словно на первообразном полотне²⁸ и начертанного на мягкой глине²⁹ будто неким нерукотворным живописным искусством. Что же вынуждает меня столь пространно повествовать? Этот

²³ Лк. 10, 19.

²⁴ Мф. 27, 60; Мк. 16, 3; Лк. 24, 2.

²⁵ Быт. 28, 18: «И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его себе памятником, и возлил елей на верх его».

²⁶ Ср. с эпиграммой рукописи Marc. gr. 524 № 8 («На энколпион, содержащий честной камень от гроба Христа»): «Часть камня, гроб Твой затворившего, несет краеугольный камень в основание из императорского рода Федор Рос». Это аллюзия на пророчество в книге пророка Исаии о Христе, на котором зиждется Церковь: «Се аз полагаю во основание Сиону камень многоценен, избран, краеуголен, честен, во основание ему, и веруяй в он не постыдится» (Ис. 28, 16). В Новом Завете под «краеугольным камнем» разумеется Христос (1 Посл. Петра. 1, 6–8; Эфес. 2, 20; Деян. 4, 11).

²⁷ 1 Цар. 17, 49.

²⁸ Греч.: ejn prwtotupwv/ ceiromavktrw/.

²⁹ Греч.: ejn th' euqrupvtw/ keravmw/a'v/.

храм, это место – иной Синай, Вифлеем, Иордан, Иерусалим, Назарет, Вифания, Галилея, Тивериада, умовение ног, тайная вечеря, гора Фавор, преторий Пилата и место Краниево, по-еврейски называемое Голгофа. Здесь рождается, здесь крещается, шествует по морю, ходит по суше, творит чудеса, уничивается подле купели³⁰. Купель покоряется, и Христос не одного или двух, и даже не просто многих «Лазарей» смердящих воскрешает из мертвых, но тысячи тел, умерших и стоящих на пороге смерти, и души, пребывавшие во грехе столькие дни и столькие часы, возводит из гроба и возвращает им здоровье, являя нам пример молитвы – сколько необходимо пролить слез и сколько молиться. Здесь Его распинают, и зрящий да узрит подножие [распятия]. Там Его погребают, и камень, отваленный от гроба, в этом храме свидетельствует о Слове. Здесь Он воскресает, и сударион с гробными пеленами – в удостоверение.

Так приидите же, вы, распинатели, в храм иначе (вы хотели разделить между собой Его ризы, сии священные сосуды и имущество), со всяким благоговением – да станем с благородством, сменим опоясывающие колчаны и кинжалы, нам страшно угрожающие, вместо грабителей сделаемся спасителями этого храма и защитниками его. Сколько вы нагребите золота? Сколько серебра? Что за корысть вам от жемчуга, или красного лихнита, или изумруда³¹! Ведь может случиться так, что из-за мимолетной жадности золота и серебра вы погубите не только свое тело, но и саму душу, и тогда какая польза от [приобретенного]! Мой час близок, и пускай каждый рассудит о воздаянии мне, страдающему за [участь] церкви.

16. ...

17. Вернувшись в храм после блистательной, мог бы сказать некто, победы, мы увидели, что южный придел снова находился в опасности. Это было сооружение со скатами, из прозрачного камня³² и деревянных пере-

---

³⁰ Неясное место. Досл. њ plunov' = «чаша для умовения» (напр., ног учеников). Издатель текста А. Хайзенберг предлагает переводить как «уничивается подле умывшей Его ноги [Марии]», ссылаясь на евангельский отрывок, когда Мария из Вифании помазала ноги Иисуса чистым драгоценным миром (Ин. 12, 3).

³¹ Дословно «зеленый камень».

³² Или стекла.

крытий, пропускавшее солнечные лучи по утрам словно через невидимые поры стеклышек. Его стена была полностью разрушена и разбита этими проклятыми, заползшими [сюда], мужами, и при желании можно было легко пройти внутрь. Злодеи уничтожили огнем южные части храма и сразу же увидели святилище, без прикрытия, и резко устремились [туда]. Мои [союзники] принялись снова наносить им ранения длинными копьями. Те, кто был ранен и задет копьем, отступали, другие же, еще целые и невредимые злоумышленники, быстро получали ранения, тому же подвергались и третьи. Сей роскошный храм был призван собрать все награбленное [ими] имущество – дорого стоящее серебро, многоценные жемчуга, бесценный изумруд, драгоценный лихнит, струившееся золото.

Катапетасма храма была вся целиком посеребренная, а ее поддерживающие колонны – посеребренные, позлащенные, блистающие и сверкающие. Из четырехугольника [в основании] завеса поднималась как геометрическая пирамида, сужавшаяся кверху. [На ней] кресты животворящие и честные, покрытые золотом от края и до края; прикреплены были и драгоценные камни, вставленные в изобилии, вделаны жемчужины округлой формы и хорошо обточенные. Над святым престолом возвышались голубки, не посеребренные, не позлащенные, но целиком блиставшие светлым золотом с перегородками, их крылья были украшены зелеными камнями, сверкали вонзенными в них жемчужинами, были слегка распушены, ибо [голуби] летают по воздуху, [а тут] они только присели отдохнуть. В клювах голуби держали не ветви оливы, но жемчужные колосья, сложенные в виде крестного знамени.

ЛЕВ ТОСКАНСКИЙ. ОБ ОБРЯДАХ ЦЕРКВИ БОГОМАТЕРИ ФАРОССКОЙ¹

Перевод с латинского *Л. К. Масиеля Санчеса*,
предисловие и комментарии *А. М. Лидова*

Публикуемое впервые в русском переводе описание Фаросской церкви представляет собой выдержку из трактата Льва Тосканского (Leo Tuscus) «О ереси и лицемерии греков», написанного во второй половине XII в. происходившим из Пизы переводчиком с латинского и богословом, служившим при дворе византийского императора Мануила Комнина. Как особо приближенный государю Лев Тосканский был знаком с деталями придворной жизни и императорской богослужебной практики, по всей видимости, не пользовавшейся широкой известностью. По крайней мере, сообщаемые им сведения уникальны.

Так, известно, что реликвии Нерукотворного образа – Мандилион (Св. Убрус) и Керамион (Св. Чрепие) – находились с 944 и 968 гг. в Фаросской церкви². Они были помещены в драгоценные реликвиарии, подвешенные на серебряных цепях к подкупольным аркам³.

---

¹ *Leo Tuscus. De haeresibus et praevaricationibus Graecorum // PG 140. Col. 544-550, esp. 548.*

² Об истории реликвий см.: *Лидов А. М. Мандилион и Керамион как образ-архетип сакрального пространства // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003, с. 249-280; он же. Святой Мандилион. История реликвии // Евсеева Л. М., Лидов А. М., Чугреева Н. Н. Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2003, с. 12-39.*

³ Драгоценное свидетельство о расположении реликвии в пространстве храма доносит до нас Робер де Клари, непосредственный участник захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. Рассказывая о достопримечательностях «Святой церкви» дворца, он сообщает об увиденном: «Там были два богатых сосуда из золота (*vaissiaus d'or*), которые висели посреди церкви (*carele*) на двух толстых серебряных цепях; в одном из этих сосудов была черепица (*tuile*), а в другом – кусок

Однако сведений о завешивании реликвий во время Великого Поста не приводит более ни один источник.

Заметим, что сокрытие Нерукотворного Образа имеет глубокую традицию, восходящую к литургической практике Эдессы, еще до перенесения реликвии Мандилиона в Константинополь в 944 г. Традиция зафиксирована в особом «Слове о святой и нерукотворной иконе Иисуса Христа Бога нашего, как чтилась в городе Эдессе жителями его»⁴. Согласно этому тексту, большую часть года Мандилион хранился в скевофилакионе (сосудохранильнице, сокровищнице храма). Он был помещен в особый киот с закрывающимися на тонкие железные замочки дверками. Дважды в неделю, по средам и пятницам, верующим дозволялось созерцать и возносить моления перед закрытым киотом, однако никто не мог «ни приблизиться, ни коснуться устами или взором священного образа». Только раз в году, в среду на «средней седмице» Великого поста, единственно архиерею, подобно ветхозаветному первосвященнику, дозволялось войти в алтарь и открыть киот. «Неприкосновенной губкой, смоченной в воде», он омывал Мандилион, а выжатую из губки освященную воду раздавал верующим, которые протирали ею глаза и получали очищение. В первое воскресенье Великого поста (праздник Торжества православия) происходила особая лития – крестный ход с иконой. В скевофилакионе Мандилион полагался на особый трон и покрывался «со всех сторон» белой тканью.

Уникально и свидетельство о другом важнейшем образе, также скрываемом на время Великого поста. Речь идет о главной иконе Богоматери с красноречивым именем

полотна (touaile)»: Robert de Clari. La conquete de Constantinople / Ed. P. Lauer. Paris, 1956, p. 82; Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М., 1986, с. 59–60.

⁴ Dobschütz E., von. Christusbilder: Untersuchungen zur christlichen Legende. Leipzig, 1899. S. 107**–114**. Перевод большей части этого текста см.: Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996, с. 127–128.

Икокира (Госпожа Дома)⁵. Эта важнейшая икона, покровительница императорского дома и «госпожа» дворцового храма, лишь недавно привлекла внимание исследователей. Эту икону упоминает Николай Месарит, который называет ее греческое имя, торжественно характеризуя Фаросскую церковь: «сего дома Бога, дворца Господа Пантократора, храма Владычицы Икокирь»⁶. Из определения ясно, что храм не просто был посвящен Богоматери, но считался святилищем конкретной чудотворной иконы. Вероятно, именно об этой иконе говорится в связи с событиями 1034 г., когда во время свадьбы с Михаилом IV императрица Зоя послала реликвии Фаросской церкви – Древо Св. Креста, Мандилион, Письмо Христа к Авгару и икону Богоматери – мятежному патрикию Константину Даласину как гарантию его безопасного возвращения в Константинополь. Примечательно, что икона Богоматери включена в число главных реликвии империи, которые в острой политической ситуации используются как залог. Святыни служили своеобразными гарантами клятвы, их огромная материальная стоимость и бесценная духовная значимость были призваны подтвердить императорское обещание⁷.

Икона Богоматери Икокиры занимала самое почетное место в храме, переполненном высшей святостью, – она располагалась за алтарным престолом и, по всей видимости, могла служить образцом для всех запрестольных образов православного мира. Текст сообщает об особых обрядах дворцового храма, когда три главные чудотворные иконы империи скрываются на время Великого поста от глаз верующих, и, в первую очередь от членов императорской семьи, поскольку речь идет о домовом храме. Мандилион и Керамион, которые, как мы помним, находились в ларцах и были подвешены на цепях в

---

⁵ Bacci M. Relics of the Pharos Chapel. A view from the Latin West // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003. Bacci M. La Vergine Oikokyra, Signora del grande Palazzo. Lettura del un passo di Leone Tusco sulle cattive usanze dei greci // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Serie IV. Vol. III, 1-2 (1998), p. 261-279; Лидов А. М. Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005, с. 99-101.

⁶ Heisenberg A. Die Palasrevolution des Johannes Komnenos..., S. 32.

⁷ Dobschütz. Christusbilder. S. 176; Лидов А. М. Святой Мандилион. История реликвии..., с. 28-32.

подкупольном пространстве, вероятно, просто закрывались покрывами, тогда как икона Богородицы выносилась из храма в особую комнату, возможно, входившую в расположенные рядом императорские покои⁸. Явление – раскрытие всех трех чудотворных образов в Великую Субботу – должно было восприниматься как откровение, божий дар и грандиозный праздник. Приведенный факт позволяет заметить, что характер сакрального пространства Фаросской церкви существенно менялся в разные периоды богослужебного года. Однако само это изменение могло восприниматься как некая парадигма – образец для подражания.

Нам ничего не известно об иконографическом типе Богородицы Икокиры. Однако представляется существенным сам факт бытования почитаемой иконы в контексте важнейших Страстных реликвий. В самой осторожной форме сформулируем вопрос: не связана ли иконографическая тема Богородицы Страстной с культом Икокиры в императорском храме-реликварии? Напомним, что этот особый образ Богородицы с младенцем, которой ангелы подносят реликвии страстей (Крест, Копие, Трость, Губку), имеет константинопольское происхождение и получает распространение в комниновскую эпоху. В концепции образа легко заметить пространственную составляющую (слетающие с небес ангелы) и парадоксальное сопоставление временных пластов – ласкание младенца и демонстрация свидетельств Его будущей Жертвы. Как и в рассмотренных выше примерах, связанных с Фаросской церковью, налицо стремление увязать в одном образе икону, реликвию и их взаимодействия в пространстве. Впрочем, отсутствие более конкретных данных позволяет сохранить эту мысль только в статусе предположения и сюжета для дальнейших размышлений.

Знаменательно, что ткани, прикрепленные к чудотворной иконе, являются абсолютно сакральными предметами, занимающими ключевое место в особых императорских обрядах. Лев Тосканский раздраженно сообщает об экзотическом обряде из чина Крещения царственных младенцев в дворцовой Фаросской церкви

---

⁸ М. Ваччи (*Vacci M. La Vergine Oikokyra..*, p. 278-279) считает, что это могла быть императорская спальня, непосредственно примыкавшая с севера к Фаросской церкви, как о том ясно свидетельствует Анна Комнина (Алексиада (XII, 6) / пер. Я. Н. Любарского. М., 1965, с. 331.

путем передачи новорожденного младенца Богоматери Икокире как крестной матери: «Соединяют себя с иконой тонкой тканью, чтобы она приняла дитя из рук священника подобно крестной». Чудотворная икона воспринимается как живое существо, принимающее непосредственное участие в обряде и через прикрепленную к иконе ткань взаимодействующее с священнослужителями. Подобные ткани, закрывавшие икону или висевшие под ней, иногда почитались византийцами как отдельные чудотворные предметы, которым приписывались исцеления членов императорской семьи, они также прославлялись в сохранившихся стихотворных эпиграммах⁹.

Свидетельство Льва Тосканского фиксирует огромную роль завес, которые, в значительной степени, организовывали сакральную среду Фаросской церкви. Здесь мы имеем дело с важнейшей традицией, подробно описанной в римских церквях IV–IX вв.¹⁰ Она не прерывается на протяжении веков и находит поразительные соответствия в инвентарях русских монастырей XVI–XVII вв. Можно думать, что в «царских храмах» значение завес перед иконами было исключительно велико. Они представляли собой разнообразный по типам, многосложный и постоянно меняющийся комплекс. Это было убедительно показано в недавних исследованиях описей Благовещенского собора Московского Кремля¹¹.

---

⁹ Традиция византийских иконных завес исследована в работе: Nunn V. The Encheirion as adjunct to the Icon in the Middle Byzantine Period // *Byzantine and Modern Greek Studies* 10 (1986), 73–102, 94–95.

¹⁰ Характерный пример – система завес в Санта Мария Маджоре: Le Liber Pontificalis. Text, introduction et commentaire par L. Duchesne, t. 1. Paris, 1981, p. 60–63; The Lives of the Ninth-Century Popes (Liber Pontificalis). The Ancient Biographies of Ten Popes from A.D. 817–891, translated and commentary by R. Davis. Liverpool, 1995, p. 27.

¹¹ Стерлигова И. А. Драгоценный убор икон Царского храма // Царский храм. Святые Благовещенского собора в Кремле. М., 2003, с. 63–78.

Leo Tuscus
De haeresibus et praevaricationibus
Graecorum
(Лев Тосканский
О ересях и злоупотреблениях греков)

...Ведь о том, что в великом дворце Константина усерднейшим образом соблюдается, неопровержимо свидетельствуют деятельные латиняне. Итак, в церкви упомянутого дворца, где хранятся святыни, за алтарем помещена икона святой Богородицы, которую в силу особых преимуществ называют Владычицей дома. Подобно тому, как на время Четырдесятницы и до святой Субботы оберегают, покрыв завесами, места святого убруса и святого чрепия, и её с начала поста вплоть до великой субботы постоянно держат взаперти, прикрыв двери куском ткани. Молятся иконе святой Богородицы, чтобы детей родить, а через нее обращаются к самой Матери Господа, чтобы стала крестной, следующим образом. Соединяют себя с иконой тонкой тканью, чтобы она приняла дитя из рук священника подобно крестной. Этот предрассудок, ими самими сотворенный, они проповедями прославляют. Не пренебрежет ли Богом тот, кто дерзнет утверждать, что говорит икона, дает ли за дитя ручательство или отказывается засвидетельствовать крещение? Никакого рода предрассудками пренебрегать не желая и питая ненависть к живым своим братьям, они через иконы братаются со святыми помимо их желания. Кто не любит брата своего, которого видит, как же полюбит Бога, которого не узреть и не познать? Еще притворнее и лицемернее, еще сплоченнее братство такого рода, когда во время службы в церкви подносят священнику деньги; за достойное проклятия братство возносятся молитвы, недостойные быть услышанными. Животное такого рода братство, а не духовное. Возжигается самое малое две свечи, притворный брат помазывается елеем и обнимает святую икону, дерзая называть ее братом; но поскольку он питает ненависть к своим живым братьям, то изобличает себя в человекоубийстве.

ГРАМОТА БАЛДУИНА II О РЕЛИКВИЯХ ФАРОССКОЙ ЦЕРКВИ

Перевод с латинского *Л. К. Масиеля Санчеса*,
предисловие *А. М. Лидова*

Публикуемая в русском переводе грамота 1247 г. является важнейшим документом¹, подтверждающим происхождение 22 реликвий из Фаросской церкви, незадолго до этой даты проданных французскому королю. После разорения 1204 г. реликвии «святой капеллы», как ее называли крестоносцы, остаются достаточно цельным комплексом, который за огромные деньги выкупает у константинопольского императора Балдуина II французский король Людовик IX Святой². В 1239–1241 гг. они переносятся в Париж, где строится готическая реплика византийской церкви Богородицы Фаросской – знаменитая Sainte-Chapelle, освященная в 1248 г.³ Она была построена как придворный королевский храм-реликварий, специально предназначенный для хранения и демонстрации константинопольских святынь, которые превращали Париж в новый сакральный центр христианского мира⁴.

---

¹ Перевод сделан по изданию: *Riant P. Exuviae Sacrae Constantinopolitanae. Geneve, 1878. T. 2, p. 133-135.*

² Только за Терновый венец была выплачена сумма, равная половине национального годового бюджета Франции и в несколько раз превышавшая стоимость храма-реликвария Сент-Шапель.

³ Исследование и подробный каталог всех реликвий, привезенных в Париж, см.: *Durand J. La translation des reliques impereales de Constantinople à Paris; Les reliques et reliquaries byzantins acquis par saint Louis // Le tresor de la Sainte-Chapelle / Ed. J. Durand et M.-P. Laffitte. Paris, 2001, p. 37-112.*

⁴ Одно из новейших исследований, трактующих замысел Sainte Chapelle и указывающих на ее связь с Фаросской церковью, см.: *Weiss D. Art and Crusade in the Age of Sainte Louis. Cambridge, 1998; Лидов А. М. Церковь Богородицы Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005.*

Создавая придворную «святую капеллу», Людовик Святой пытался не только построить новое хранилище, но и воспроизвести важнейшее сакральное пространство Византии во французской столице. У этого проекта была высокая цель, стоящая любых затрат: обладание главными реликвиями и монументальным реликварием по образцу константинопольского императорского храма утверждало первенство Франции в христианском мире. Знаменательно, что даже само название «*Sancta Capella*» (*Sainte-Chapelle*), которое использовал король Людовик во всех ссылках на парижский храм, начиная с его освящения в 1248 г., является не чем иным, как традиционным латинским именованием Фаросской церкви. Интересно, что иконно-пространственная идея нашла отражение и в самом способе демонстрации реликвий в *Sainte-Chapelle*. Они были помещены в большой ларец *Grande Chasse*, который размещался на втором ярусе особого кивория над алтарем. В дни торжественных богослужений ларец со всеми святынями раскрывался перед глазами верующих, которые молились на эту великую икону христианства, оказываясь сопричастными воплощенному в ней пространству Святой Земли. Воспроизводя в Париже константинопольский Гроб Господень, овеянный имперской славой, Людовик Святой устанавливал символическую преемственность сакральных пространств, восходящую как к древним реалиям евангельского Иерусалима, так и эсхатологическому образу Небесного Града, который явится в конце времен.

К несчастью, большинство реликвий бесследно исчезли в 1793 г., уничтоженные революционерами-богоборцами. Однако несколько важнейших реликвий, переданных для научных целей в Национальную библиотеку, сохранились до наших дней⁵. Это в первую очередь Терновый венец в неоготическом обрамлении XIX в. в сокровищнице Нотр-Дам де Пари, где также сейчас находятся большой фрагмент Святого Древа и Гвоздь Распятия. Единственный сохранившийся византийский реликварий, происходящий из

---

⁵ Новейшее описание как исчезнувших, так и сохранившихся реликвий см.: *Le tresor de la Sainte-Chapelle* / Ed. J. Durand et M.-P. Laffitte. Paris, 2001.

Фаросской церкви, — это реликварий XII в. с Камнем от Гроба Господня, хранящийся сейчас в Лувре⁶.

В грамоте Балдуина II первостепенное значение имеет свидетельство о «святом плате к доске прикрепленном (*sanctam Toellam tabule insertam*)».

На наш взгляд, речь идет о Нерукотворном образе (Мандилионе), который вместе с большинством реликвий Фаросской церкви оказался во владении Балдуина II, латинского короля Константинополя⁷, а с середины XIII в. — в Сент Шапель в Париже. Реликвия Нерукотворного Образа бесследно исчезает лишь в 1793 г. во время разорения Сент-Шапель.

Надо отметить, что это — единственная версия, опирающаяся на документальные свидетельства, а именно: многочисленные описи 22 важнейших реликвий, с XIII в. хранившихся в особом ковчеге-реликварии над алтарем Сент-Шапель⁸. Важнейшей среди описей является публикуемая грамота от июня 1247 г.⁹ В этом протоколно точном списке главных реликвий Фаросской церкви Святой Плат располагается на восьмом месте, между Железной цепью Христа и Камнем от Гроба. В еще более раннем описании реликвий 1241 г. о священном предмете говорится, что это «Доска, которой во время снятия Господа с креста коснулся Его лик»¹⁰. В других описях реликвия названа *tabula*, *mapra*, *maprula*, «закрепленной на доске святой тканью (*trelle*) с ликом Господа Нашего Иисуса Христа», «вероникой», «изображением святого лика Господа Нашего или вероникой», и, наконец, просто «СВЯТЫМ ЛИКОМ»¹¹.

⁶ Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques françaises. Paris, 1992, p. 333-334, № 248; Le tresor de la Sainte-Chapelle..., p. 72-77. После перенесения в Париж большая часть константинопольских реликвий было помещена в хрустальные сосуды в соответствии с новыми готическими вкусами Людовика Святого. В своих византийских реликвариях остались лишь Честной Крест, Мандилион и Камень от Гроба.

⁷ Лидов А. М. Святой Мандилион. История реликвии // Евсева Л. М., Лидов А. М., Чугреева Н. Н. Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2005, с. 34-35.

⁸ Gould K. The sequences de *Sanctis Reliquiis* as Sainte-Shapelle inventories // *Medieval Studies*, 43 (1981), p. 315-341.

⁹ Riant P. *Exuviae Sacrae Constantinopolitanae*. Geneve, 1878. T. 2, p. 133-135.

¹⁰ *Tabula quedam quam, cum deponeretur Dominus de cruce, ejus facies tetigit*. См.: Gould K. *Op. cit.*, p. 331-332, 338.

¹¹ *Ibid.*, p. 338-339.

Из ряда описей с XIII по XVIII в. становится ясно, что в числе реликвий Фаросской церкви, подлинность которых была подтверждена Балдуином II, Людовик IX получил некий плат с ликом Христа, который был закреплен на доске. Образ Христа позволил составителям инвентарей XVI в. отождествить его с римской «вероникой», выглядевшей как византийский Спас Нерукотворный. Более подробные описи и гравюры XVIII в. дают представление об устройстве и внешнем виде реликвария, который в Великом Реликвариуме Сент-Шапель располагался под крестом-реликвариумом Св. Копья справа от центрального Тернового Венца¹². Доска с платом была помещена в византийский плоский ларец с выдвигной крышкой (примерно 60 × 40 см). Он был покрыт тонкими пластинами позолоченного серебра и украшен драгоценными камнями. Описания не оставляют сомнений, что речь идет о небольшой ткани, закрепленной на доске. Весь фон по контуру лика был покрыт тонкими золотыми пластинами, оставляя видимым лишь само лицо Христа.

Среди реликвий Фаросской церкви только Мандилион соответствовал описаниям Sancta Toella из Сент-Шапель. Примечательно, что, как мы знаем из «Повести императора Константина» (ок. 944 г.), плат с Нерукотворным Образом был также прикреплен на доску и украшен золотым окладом. Достоверность древнего византийского свидетельства об Эдесской реликвии находит неожиданное подтверждение в французских инвентарях Нового времени. Отождествление константинопольского Мандилиона и парижского Sancta Toella кажется нам более чем вероятным.

Однако против этого отождествления есть одно весьма существенное возражение. Почему величайшая византийская реликвия осталась на Западе практически неизвестной? На наш взгляд, объяснение может быть найдено в том, что Людовик IX Святой создавал государственный, абсолютно доминирующий культ Тернового Венца, на который было получено особое благословение папы. Интересно, что в том же XIII в. папы создавали аналогичный по значению римский культ так называемой «Вероники» (*vera icona*) —

¹² Свидетельства были рассмотрены в особой статье новейшего каталога: Durand J. La Sancta Toile ou «Veronique» // Le tresor de la Sainte-Chapelle. Paris, 2001, p. 70-71.

нерукотворного образа Христа на плате, почитавшегося в соборе Св. Петра¹³. Особое почитание византийского Нерукотворного Образа в Париже составило бы опасную конкуренцию римскому культу. Не исключено, что некое забвение византийского Мандилиона («Святого Плата») в католическом мире было результатом особой договоренности между папами и французскими королями, своеобразной платой за полную поддержку Римом культа Тернового Венца и статуса Сент-Шапель как главного реликвария христианского мира.

Балдуин II навечно уступает Людовику IX все реликвии Св. Капеллы

Балдуин, Божией милостью благоверный во Христе император, Богом венчанный августейший правитель Романии всем верным христианам как теперешним, так и грядущим, до коих указ сей достигнет – вечное во Госпде спасение!

Хотим, чтобы было всем ведомо, что нашему дражайшему другу и родственнику Людовику, сиятельному королю Франции, пресвятой Терновый венец Господа и значительную часть животворящего Креста Господня вместе с другими драгоценными священными реликвиями, которые нашими собственными словами ниже поименованы (их с давних пор с благоговением собирали во граде Константинополе, но ради неотложных нужд Константинопольской империи в разное время отдавали в залог разным кредиторам; упомянутый же король по нашему желанию выкупил их за большие деньги и, по нашему благоизволению, перенес в Париж); так вот, этому королю мы добровольно и бескорыстно отдаем их совсем даром, уступаем безоговорочно, и со спокойной душой каждую из тех

---

¹³ Согласно официальной легенде, «Плат Вероники», чудесно явившийся, когда Христос вытер свой лик во время Крестного пути, был доставлен в Рим из Иерусалима. Для пап было политически важно, что великая святыня приходит в Рим непосредственно из Святого града. Исчезновение эдесской истории и связанных с ней представлений о константинопольском приоритете в этом предании кажется не случайным. Новейшие представления о «веронике» и ее многочисленных изображениях в западно-европейском искусстве см. в научном каталоге: *Il Volto di Cristo*. Ed. G. Morello, G. Wolf. Roma, 2000, p. 103-167.

достопочтенных реликвий приводим под её собственным именем:

- вышеупомянутые пресвятые *Терновый венец Господень* и *Святой Крест*
- также *частица Крови Господа* нашего Иисуса Христа
- *детские пеленки Спасителя*, в которые был Он в колыбели обернут
- *другая большая часть Древа святого Креста*
- *частица крови*, которая чудеснейшим образом истекла из той иконы Господа, что была пронзена неверным
- также *Узы*, или *оковы железные*, почти как звенья цепи сделанные, которыми, как верят, Господь наш был окован
- *святой плат (toella)*, к доске прикрепленный
- *большая часть камня Гроба Господа* нашего Иисуса Христа
- *частица молока блаженной девы Марии*
- также *железо святого Копия*, которым на кресте был пронзен бок Господа нашего Иисуса Христа
- *другой среднего размера крест*, который *Триумфальным крестом* в старину называли, ибо императоры имели обыкновение носить его в битвы в надежде на победу
- *пурпурный Хитон*, которым окутали воины Господа нашего Иисуса Христа в осмеянии Его
- *Губка*, которую протянули Ему, наполнив уксусом, когда Он висел на кресте
- *часть Судария*, в который было обернуто тело Его во гробе
- *Линтеон*, которым Он препоясался, когда омывал руки учеников и которым вытер им ноги
- *жезл Моисея*
- *верхняя часть головы блаженного Иоанна Крестителя*
- *и головы святых Власия, Климента и Симеона.*

Во свидетельство и вечную незыблемость совершённого мы подписали этот указ нашей императорской подписью и скрепили нашей золотой печатью.

Совершено около Сен-Жермен-ан-Лэ, в тысяча двести сорок седьмом году, месяца июля, на восьмом году нашего справедливого правления.

ПОЛОЖЕНИЕ РИЗЫ БОГОМАТЕРИ ВО ВЛАХЕРНАХ

Перевод с греческого *Хр. М. Лопарева*,
предисловие и комментарии *А. М. Лидова*

Датировка этого важнейшего текста стала больше века назад предметом яркого спора. По мнению одного из первых исследователей, «Слово о положении ризы Богородицы во Влахернах»¹ принадлежало Георгию, хартофилаксу Св. Софии половины IX столетия, в 878 г. занявшего кафедру архиепископа Никомидийского. По предположению Хр. Лопарева, Георгий произнес слово в 866–867 г. по поручению патриарха Фотия. Описанное Георгием в связи с положением ризы нашествие и отступление врагов было отождествлено с нашествием русских в июне 860 г.

Точка зрения Лопарева была кардинально пересмотрена В. Васильевским, который датировал текст на два с половиной века раньше, связал с осадой Константинополя в 619 г. и приписал авторство Феодору Синкеллу². В современной науке принята точка зрения Васильевского, «Слово» рассматривается как важнейший документ, отразивший ключевой момент превращения храмового комплекса во Влахернах в главный центр почитания Богоматери в византийской столице³.

Текст «Слова» легко делится на несколько частей. Вначале следует риторическое предисловие, в котором выделяется прославление Богоматери и ее святилища,

---

¹ Печатается по изданию: Хр. Лопарев. Старое свидетельство о положении ризы Богородицы во Влахернах в новом истолковании применительно к нашествию Русских на Византию в 860 году // ВВ, 2 (1895), с. 582–628.

² Васильевский В. Авары, а не русские, Феодор, а не Георгий // ВВ, 3 (1896), с. 83–95.

³ Cameron A. The Virgin's Robe: an episode in the history of early seventh-century Constantinople // Byzantium, 49/1 (1979), p. 42–56 (с переводом части «Слова» на английский).

ярко представляющее уже сложившуюся концепцию Константинополя как града Богородицы. Приведем этот принципиально важный текст полностью: «Сей царственный и богохранимый град, который говорящий или пишущий должен с похвалою называть „Градом Богородицы“, украшен многими, до бесконечной меры простирающимися (если не грубо это слово) божественными храмами; выше же громадной части и числа их стоят божественные храмы Девы Богоматери. Одни заняли одну часть города, другие другую, и никто не нашел бы общественного места, царского дворца, смиренного жилища или какого либо правительственного учреждения, где бы не было храма или молитвенного дома Богородицы. Всюду на земле, где провозвещена была тайна Бога Слова, Родшая Его Богородица постоянно воспевается и хвалится, как будто Она восприяла в себя вместе всю главу божественного всечеловечения. Но сей царь-град имеет нечто изрядное во всяком месте: в стольких храмах и молитвенных домах Богородица прославляется, вдохновенно почитается, или чисто восхваляется всечистое имя (Ея), и оно вполне считается стеною и забралом спасения. Весь город так блистает и возносится в этой красоте. Их всех же этих храмов и молитвенных домов по всему городу, прославляемых и почитаемых во имя Богородицы, как бы некою главою и митрополиею служит славный и божественный храм Ея во Влахернах, выделяющийся перед всеми и превосходящий все, как солнце совершенно выделяется и превосходит небесныя звезды; храм во Влахернах, верится, есть как бы какое либо царское священнейшее и божественнейшее жилище. По этому и во многих других городах некоторые из благочестивых, воздвигая дома Богородицы, называли эти места Влахернами, как будто Богородица особенно радуется имени Влахерн. По истине Чистая радуется месту, возвеличивая и украшая святое место своею славою. Поэтому и все, так сказать, архиереи, цари и сколько есть подвластных им, должностныя лица, чиновники и сколько есть людей, живущих частною жизнью, стекаясь во Влахерны, приносят благодарения Богу и Богородице по поводу всякаго радостнаго общественного события и своего частного дела; но и тяжесть всякаго печальнаго обстоятельства облегчают они, прибегая во Влахерны. Я

умалчиваю о безмерном числе тем исцелившихся от разных болезней, чтобы при затруднении в речи не умалить великаго. Итак, вообще сказать, божественный храм Богородицы во Влахернах есть хранилище всякой спасительной для нас надежды, в котором и из которого мы брали и будем брать все, что есть и будет доброго. По истине Вифлеем освящен и прославлен божественною славою. Ибо там Богородица однажды в исполнении веков плотию родила Бога Слово, а в этом божественнейшем храме ежечасно молящимся рождает Она Божие человеколюбие и помощь. Итак, повторяю снова, божественный храм Богородицы во Влахернах есть акрополь сего царствующаго града, в котором все прибегающие в опасностях спасаются и спасаемся»⁴.

В этом красноречивом тексте особенно интересна мысль о возможности воспроизведения сакрального образа Влахерн в других местах византийской империи: «По этому и во многих других городах некоторые из благочестивых, воздвигая дома Богородицы, называли эти места Влахернами, как будто Богородица особенно радуется имени Влахерн». Место хранения главной реликвии Богоматери воспринимается не только как оберэг, но и иконический прототип.

Далее начинается историческая часть, в которой автор пересказывает историю обретения Ризы Богоматери. Это произошло в царствование императора Льва Великого (457–474). При нем два брата, патрикии Галвий и Кандид, исповедывавшие арианство, по повелению Богородицы отправились в Иерусалим для поклонения святыням. В одном палестинском доме они познакомились со старою благочестивою еврейкою, у которой в отдельной комнате хранилась какая-то святыня, блистающая светом и подающая исцеление больным. На просьбы рассказать об этой святыне еврейка долго уклонялась, но наконец сообщила им, что у ней в ковчеге хранится риза пресвятой Марии. Галвий и Кандид, воспользовавшись доступом к ковчегу, вымерили его и затем, заказав в Иерусалиме точно такой же ковчег, подменили им настоящий. Прибыв с этим сокровищем в Византию, они скрыли его от патриарха и царя из боязни, дабы его у них не отняли; затем построили около городской стены близ Золотого Рога, во

⁴ Лопарев. Указ. соч., с. 588–589.

Влахернской местности, храм во имя апостола Петра и Марка, и поместили в него ковчег с ризой Богородицы, покрытый золотым покровом. Чудеса, явившиеся здесь, обнаружили присутствие святыни, и Галвий и Кандид принуждены были рассказать об этом императору. Тогда был построен здесь храм во имя Богородицы, в который и был перенесен ковчег. Император Лев и его супруга Вириния приложили все старания для украшения церкви, и вскоре она заняла одно из самых видных мест в столице: при ковчеге стали совершаться бесчисленные чудеса. На этом рассказ о событии 469 г. заканчивается⁵.

Затем начинается рассказ о торжественном положении ризы Богородицы во Влахернах, который представляет для нас особый интерес и приводится в данном издании полностью. Это свидетельство очевидца, содержащее уникальные подробности, не сохраненные другими источниками. В первую очередь, речь идет о внешнем виде святыни и способах ее почитания. Принципиально важно свидетельство о трех раках: большой из золота и серебра, видимой всем верующим, каменном саркофаге внутри, и еще одной, находившейся в левой (северной) части каменного ларца. Описание царского пурпурного шелка, в который завернута шерстяная риза, также представляет значительный интерес, поскольку перед нами один из древнейших примеров многовековой традиции хранения особо почитаемых святынь.

---

⁵ Современный взгляд на происхождение и раннюю историю Влахернского храма см.: *Mango C. The Origins of the Blachernae Shrine at Constantinople // Acta XIII Congressus Internationalis archaeologiae christianae, II. Citta del Vaticano, 1998, p. 61-75.*

***

1. И вот те тайны, которые Богородица во Влахернах собрала для города; теперь же расскажу, какие то (тайны), которые случились в наше время, которых все мы были самовидцами и зрителями.

2. Было (время), когда дела наши шли хорошо и никакая война нас не пугала; но высшее благополучие, по пословице, по нерадению перешло у нас на ненадежное; мы были недовольны тем, что истинно хранили благополучие, поэтому нас постигли многия от Бога кары и различные бичи, побуждающие нас к обращению и к воздержанию от зол. Нас посетил один страшный блеснувший мечь, могший уничтожить в одну минуту всю вселенную. Но «кто возглаголетъ силы твоя, Господи? или кто слышаны сотворить хвалы твоя»? Ибо Ты сказал поднявшейся тогда на народ твой буре: «умолкни, престани», и «до сего дойдеши и не прейдеши, но в тебе сокрушатся волны твоя». Казалось же, и это убедило вернейшаго царя, что начальник стольких тех народов, для утверждения мирных договоров, лично желал его увидеть. Впрочем, об этом пусть рассказывают другия книги, ибо (наше) слово выше определило направление в другую сторону.

3. Итак, когда явившаяся та саранча опустошала все окрестности города, царь покинул дворец и, пребывая в одежде частного человека, на сколько можно было, трудился и подвизался с проливанием слез, распростершись на земле в храме Богородицы, который называется «Иерусалимом» и лежит внутри ворот, именуемых «Золотыми» по работе⁶. Но и сам иерарх, оставив свои священные палаты, в том же самом храме подвизался вместе с царем день и ночь в молитвах и молениях; все же заключенный в город народ, мужчины и женщины и сколько по возрасту было детей, совершали литии и оплакивания повсюду в храмах Богородицы, моля избежать гибели перед глазами.

4. Бог же не забыл о милосердии, не удержал в гневе своем щедрот своих и отошла милость его от нас;

---

⁶ Молитва в храме священных Золотых Ворот (восходящих к Иерусалимскому прототипу) имела особый защитительный смысл.

но показал нам, что все рабское находится под его десницею и всем управляет он направлением своей воли. Итак, когда еще началось распространение той страшной и губительной болезни, по человечески сказать, ни на какое приготовление не надеялись. Враги бегали, опустошая перед стеною все, священное и другое. Некоторым из наших показалось целесообразным предварительно унести золотой и серебряный наряд из божественного храма во Влахернах, дабы враги из варварства и любостяжания не осмелились добраться и до него⁷.

5. Лица, которым было поручено снять этот священный наряд, поступили скорее по военному и дерзко, нежели каким образом было нужно: сняли все остальное золото и серебро, разбив секирами и топорами и другими такого же рода орудиями; осмелились же прикоснуться и до сей божественной раки, и дотоле ни для кого невидимую тайну сделать тогда явную. Внутри же видимой раки, сделанной из золота и серебра и светящейся блеском, оказалась рака из камня, а внутри ея, к северной стороне, нашлось лежащее божественное сокровище, хранимое в другой небольшой раке.

6. Итак, они, разбив золотой и серебряный наряд божественного храма, осмелившись поспешно открыть эту святую небольшую раку, ощутили тотчас миро великаго благоухания, так что и весь дом наполнился им; они, видят маленькую часть царской порфиры, которую (часть) приняли за покров Богородицы, и тотчас же немедленно отсекли часть порфиры⁸, совершив таким образом воровство святыни, как они думали. Когда же эта божественная святыня дошла в священные руки иерарха, он тотчас доложил об этом верному царю; последний, поспешно явившись, обняв извне, поцеловал (ее) с великим страхом и просил иерарха, чтобы он сам совершил приличное. Этот, приложив прочные печати, поставил эту святую небольшую раку в священной ризнице

---

⁷ Влахерны в это время еще не были защищены городскими стенами, которые появились после 626 г.

⁸ По всей видимости, речь идет о пурпурной (порфировой) шелковой ткани, в которую была завернута шерстяная Риза.

великой Божией церкви⁹ с подобающею честью и приличным страхом¹⁰.

7. Когда же наконец взошедшее нам солнце Божия человеколюбия разрешило нашедшую бурю, честный иерарх, снова взяв помощником вернейшаго царя нашего, устроил все святое место с большею тщательностью и положил весть принятый наряд, определив некоторый установленный, лучше сказать, славный святой день, в который он благорассудил положить святое сокровище на своем месте; с высоким возвещением созывает весь архиерейский собор, клир и народ, мужчин, женщин, высших сановников, должностных и частных лиц, говоря: «Приидите и видите, иереи и народы, величия Христа Бога нашего; приидите посмотреть донныне сокровенное сокровище; приидите, поклонитесь всесвятому дару, который даровала Богородица во спасение граду».

8. Когда же рассветал назначенный славный день, он непрерывно всю ночь совершал священное песнопение во святом сем приделе, то же самое, по распоряжению его, совершилось и в храме священнейшаго мученика Лаврентия; ибо там при закате солнца, за один день до праздника, он выставлял всем для поклонения святое сокровище, именно покрытое и для человеческих глаз невидимое¹¹. И всякий возраст и всякий род людей, живущих в этом великом граде, удостоивается такового поклонения в течение всей ночи.

9. Когда же настал день и солнце осветило лучами воздух, наш Симеон¹², взяв в руки благодать, данную нашему роду, с псалмами и песнопениями и церковным исполнением достигает храма Богородицы во Влахернах. Весь народ, клир и архиерейский собор шествует впереди и совершает службу, так что недостает немногаго, чтобы думать об опасности ввиду давки стекшейся толпы. Но Богородица, человеколюбиво

---

⁹ Речь идет о скевофилаконе (сосудохранильнице) Св. Софии Константинопольской.

¹⁰ Практика запечатывания реликвий императором или патриархом, или обоими вместе, сохранилась в Константинополе до XV в. (см. Описание Клавико).

¹¹ Перед окончательным возвращением во Влахерны Риза Богородицы была перенесена из недоступного скевофилакиона Св. Софии в храм Св. Лаврентия.

¹² Имеется в виду евангельский рассказ о Симеоне Богоприимце. Риза Богородицы в руках архиерея вызывает образ Христа в руках Симеона.

даровавшая эту (святыню), спасла всех стекшихся невредимыми.

10. Когда же иерарх, с трудом, с большой осторожностью неся в руках божественную тайну, достиг внутрь всесвятого храма, в котором и ныне зиждется божественная рака, ибо народ, прибегая, задерживая и желая извлечь святыню из тайны, на давал иерарху свободного прохода; тотчас поднялся на долгое время один смешанный возглас народа, восклицавшего «Господи помилуй!»! Проливание же слез, как бы от некоего дождя, оросило пол святого места.

11. Тогда вот иерарх, какое сокровище нес, положил (его) покрытым на святом престоле; сам же, повергшись всецело на святой пол, насколько нужно было и насколько ум заставлял беседовать с Богом, счел приличным и в состоянии призвать Бога и помолиться с проливанием слезным. Весь народ все еще восклицал «Господи помилуй!»! Возстав от молитвы и подняв руки к небу, снова принесся и сотворив моление, он, обливаясь потом, возложил дрожащая руки на святую ту тайну, и открыв печати, которая он сам в начале приложил, он обретает царскую порфиру, объятую миром и другими ароматами. Развернув ее, он нашел ризу действительно истинной царицы Богоматери, блистающую особою благодатью и силою.

12. И зри ми божественныя чудеса Бога Слова! Ибо здесь в особенности явилась истинна тайны и явная сила Богородицы: ибо царская порфира вся разодралась и испортилась, хотя риза была и из шелка, (стало быть отличалась) особенною прочностью; божественная же риза, вытканная из шерсти, легко подвергающейся порче, ибо основа и уток есть та же самая волна подобного вида и подобного цвета, совершенно не испытала порчи, но осталась вся невредимою, оставшись целою и без порчи, означая нетленность, невредимость и поистине величие облачавшейся.

13. Нужно было, необходимо было иметь душу, тело, помышление, нрав, слово, характер и самое воодушевление чистыми и неиспорченными, лишенными всякой нечистоты и свободными от всякого пятна, (чтобы) передать нетленность и самой ризе. Ибо если тень Петра, платки и опоясания, соприкасавшиеся телу Павла, изгоняли всякую болезнь и всякую немощь из

больных, то какую поистине благодать заключает в себе эта божественная и всесвятая риза, которую, (как) мы веруем, не только надевала на себя Мать Бога Слова, но в ней носила и питала млеком самого Бога Слова, в бытность его еще совершенно Младенцем? Поэтому действительно эта божественная царская поистине риза не только служила прогонительницей всякой болезни, но невредимость и нетление (ея) правдиво возвещает и о нетленности и невредимости облачавшейся¹³.

14. Итак иерарх, видя все это умом и чувственными очами, вдохновенный радостью, не скрыл в себе богатства благодати: не оставил в себе одном безгреховную тайну, восприняв ее силу, но показал благодать всему церковному собору: весь трясаясь и испустив источники слез, дрожащими руками творя воздвижение тайны; народ соединился снова в оплакивании и неясных возгласах беспрестанно «Господи помилуй»!

15. Когда же, по чину и по мере, протекло достаточно того божественного и страшного часа и зрелища, иерарх снова перед глазами иереев, клира и народа завернул божественную ризу в часть царской порфиры и по первому образу, в какой раке она находилась, положил (ее) в северной части (придела) святой Раки¹⁴.

16. Когда же это таким образом совершилось, явился наконец всеосвященный собор, обычное чтение божественных словес и божественное провозглашение всесвященной службы: когда иерарх снова положил на всесвятом жертвеннике раки, который он сам обносил и освятил, всесвятая и животворящая тайна безкровной жертвы, которых был, по божественному слову, виновником; взяв их и передав другим, кроме того испросив мир народу, отпустил всех, поющих и провозглашающих величие Бога и непостижимую его славу, — он постановил, чтобы тот славный праздник из праздников был причислен к остальным ежегодным

¹³ Автор напоминает о телесном вознесении Богородицы.

¹⁴ В последующей традиции северная часть храма довольно часто служила местом пребывания святыни, например, чудотворной иконы Одигитрии в монастыре Одигон.

празднествам и торжествам, совершаемым во Влахернах¹⁵.

17. Вот вам, самовидцы и самослышатели, слово моей убогой силы о божественных тайнах, имеющее в себе материал и содержание великих вам благ; все оно расплывчато, слабо и вяло и издали обнаруживает помышление и поспешность писавшаго. Но не смотря на это божественныя тайны не умалются или не будут сочтены меньшими собственнаго их вида. Великия и неизглаголанная (тайны) остаются, как не лишаются и характера особой высоты, хотя и покрываются глиняною посудю – теперешнею немощью писавшаго. Ибо конечно будет другой, который прекрасно сумеет озолотить слово и будет в состоянии, подражая оному Веселиилу¹⁶, описать святую скинию, представляющую и носящую эти божественныя тайны.

18. Но, о всечистая, невредимая и непорочная Госпоже, которую Отец и Бог освятил, избрал и удостоил воплотиться от нея совечному ему и единосущему Слову, которую Бог Слово, собезначальный Отцу, властно сделал Матерью по плоти, в которой поселился святой и животворящий Дух, – сохрани граду твоему неотъемлемую твою милость, и да не увидит таким образом человеческое око осквернения божественной церкви или запустения сего твоего рабского града; отжени от него всякаго врага, из какого бы он ни был народа, замышляющаго что-либо воинственное на него (град); ясно покажи, что град укрепляется твоею силою; сколько душ и градов взято уже варварами, – воззови их и выкупи, яко всемогущая; даруй же и мир крепкий жителям града твоего, отгоняя из него всякий племенной мятеж; избави его, Госпоже, от глада и язвы, огня и труса и всякой другой вещи, могущей вредить, даруя ему собою беспрестанно богатую помощь; даруй верным царям нашим мирное и многолетнее царство; сохрани на долготу жизни блаженнаго иерарха, просвещающаго народ; всем же нам вообще просящим и о них особенно молящимся, яко источник жизни, яко сокровище спасения, даруй твои благодеяния живым и умирающим, имея предстательство к воплотившемуся от тебя Христу Богу нашему, его же ради и с ним же

¹⁵ Говорится о целом ряде празднований, из которых сейчас известен лишь праздник Положения Ризы Богоматери во Влахернах.

¹⁶ Создатель убранства скинии.

подобает честь бессмертному его Отцу и всевятому и животворящему Духу ныне и присно и во веки веков, аминь.

СКАЗАНИЕ ОБ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ РИМСКОЙ

Перевод с греческого А. Ю. Никифоровой,
предисловие А. М. Лидова

Впервые публикуемое в русском переводе сказание о Богоматери Римской было издано более ста лет тому назад Эрнстом фон Добшюцем¹ по парижской рукописи с текстами сказаний о чудесах (Paris, Bibl. Nat. gr. 1474), которую исследователь датировал XI в. Это один из самых ранних подробных текстов греческих сказаний о чудотворных иконах, которые послужили образцами для древнерусской традиции. Так переводное церковно-славянское сказание о Богоматери Римской известно в русских рукописях не позднее начала XV в.² Византийское сказание содержит целый ряд важных архетипических мотивов, равно как и редчайших исторических свидетельств, связанных с почитанием чудотворных икон в Византии.

Интересна тема преемственности написанной на доске иконы, изготовленной слугой патриарха Германа, по отношению к нерукотворному монументальному образу в церкви Лидды (Диосполиса), чудесно возникшему по молитве апостолов. Богоматерь Лиддская и Богоматерь Римская рассматриваются как единый образ, позднее в этот синкретический комплекс войдут Одигитрия Константинопольская и Богоматерь Тихвинская, которая будет восприниматься как Богоматерь Римская, по воле самой Богородицы перелетевшая на север Руси³. Сказание

---

¹ Von Dobschütz E. 'Maria Romaia: Zwei unbekante Texte' // Byzantinische Zeitschrift 12 (1903), 202. 3-10, 212.

² Самый ранний сборник 1423 г. с текстом сказания происходит из собрания Троице-Сергеевой лавры (РГБ, ОР, ф. 304б № 167): Kulakowsky S. Legenda ob obrazie Matki Boskeji Rzymskei. Lwow - Krakow, 1929; Кулаковский С. Состав Сказания о чудесах иконы Богоматери Римляныни // Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 470-475.

³ Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской / Изд. Е. В. Крушельницкой. СПб., 2004, с. 33-38.

о меняющей имена, но сохраняющей единую чудотворную основу иконе Богоматери получит отражение в древнерусской иконографии с XVI в., например, в росписях собора в Александрове.

Важен мотив мистически передвигающейся иконы. Она за один день и ночь, по молитве св. Германа, спасаясь от иконоборцев, доплывает до Рима из Константинополя, взлетает из воды прямо в руки встречающему ее на корабле римскому папе. И после, пробыв долгие годы в алтаре собора Св. Петра и совершив множество чудотворений, икона Богоматери покидает город: *«Затем на глазах у всех созерцавших происходящее, объятых ужасом и плачущих от страха, икона внезапно была восхищена со своего места и поднята вверх, таким же образом опущена вниз. После, выйдя через Царские врата, икона с помощью Божественной силы переместилась к реке, за городские стены»*, и также за день и ночь вернулась в Константинополь. Мотив летающей иконы мы находим в рассказах о вторичных действиях с Одигитрией Константинопольской⁴, он играет ключевую роль в древнейших сказаниях о Богоматери Тихвинской, перелетающей с места на место, выбирая пространство для своего святилища.

Другим важным топосом является мотив кровоточащей иконы, которую еретик или неверный ударяет ножом и получает за это немедленное наказание. Наряду с темой воздаяния за оскорбление святыни, не меньшее значение имеет понимание иконы как живого существа, с которым верующий вступает в сложную систему личных отношений. Потенциальная диалогичность чудотворного образа, его способность немедленно ответить на моление или действие во многом определяла характер почитания таких икон в Византии. Среди кровоточащих образов особой известностью пользовалось чудотворное «Распятие» из Бейрута, в X в. перевезенное в Константинополь. Широко известна была Богоматерь Иверская – Портаитисса. На древнейшей иконе XI в., до сих пор почитаемой в монастыре Ивирон на Афоне, хорошо видно изображение раны на правой щеке, напоминающее о чуде кровотечения образа. Наконец, в

⁴ Lidov A. The Flying Hodegetria. The Miraculous Icon as Bearer of Sacred Space // 'The Miraculous Image in the Late Middle Ages and Renaissance' / Ed. E. Thunoe and G. Wolf. Rome, 2004, p. 291-321.

Софии Константинопольской находилась знаменитая икона Богоматери Махейротейса (Пронзенная ножом), изображения которой несколько раз появляются на печатях хартофилаксов (управляющих делами) «Великой Церкви»⁵. Почитался не только образ, но и кровь, изшедшая из иконы⁶.

С исторической точки зрения наибольший интерес представляет информация Сказания об установлении почитания Богоматери Римской после чудесного возвращения иконы в Константинополь и обретения ее императрицей Феодорой, восстановившей иконопочитание в 843 г. Икону помещают недалеко от Святой Софии, в один из главных храмов Богоматери – Халкопратийскую базилику, в которой хранилась прославленная реликвия Пояса Богоматери. Сказание сообщает: «После, когда была установлена по вторникам процессия Богоматери Одигитрии, наиболее ревностные из православной общины сформировали службу из братьев, которые брали [Римскую] икону из храма Божия, и во время Божественной и священнейшей литании, происходившей раз в неделю, носили ее вместе с Одигитрией по честным храмам святых, полагая сие правильным. Эта древняя традиция сохраняется поныне»⁷. Нам не известно, когда точно было составлено Сказание в период от середины IX в. (победа иконопочитания) до XI в. (дата рукописи), однако, в любом случае, это одно из самых ранних свидетельств о вторичных процессиях с чудотворными иконами в византийской столице⁸. Примечательно, что автор Сказания говорит о «древней традиции».

Не менее значимо указание текста на существование особого братства служителей иконы Богоматери Римской, которые отвечали за святой образ во время еженедельных богослужебных процессий с посещением разнообразных храмов. Подобные братства известны в

⁵ Galavaris G. The Mother of God, «Stabbed with a Knife» // DOP, 13 (1959), p. 229-243.

⁶ По свидетельству Антония Новгородского, «А кровь же Господню, изшедшую из иконы, целовали есмь в алтари в малом» (Книга Паломник, с. 26 42).

⁷ Сказание, 23.

⁸ Другое раннее свидетельство сохранило Житие св. Фомы Lesbosской (X-XI вв.): Halsall P. Life of Thomas of Lesbos // Holy Women in Byzantium. Ten Saints' Lives in English Translation // Ed. A.-M. Talbot. Washington, D.C., 1996, p. 311, 291-292.

Византии XI–XII вв.⁹ Служители в особых красных льняных одеяниях были организаторами и активными участниками вторичного действия с Одигитрией Константинопольской. С XI в. в Фокиде существовало особое братство Богоматери Навпактитиссы, от которого до нас дошел текст устава, регламентирующего поведение служителей иконы.

Отмечая известность Сказания о Богоматери Римской, сохранившего конкретные детали почитания иконы в Константинополе, зафиксируем и одну странную деталь. Кроме сказания, до нас не дошло ни одного свидетельства об этой знаменитой иконе. Кажется, что многочисленные паломники или не видели ее в Халкопратийском храме, или сообщают об этом чудотворном образе под другими именами.

Невероятное и душеполезное повествование о чудесах, бывших от святой и чтимой иконы Богоматери, называемой Римской

1. Многие дочери творили чудеса, многие завоевали доброе имя, но всех превзошла телесной чистотой, душевной силой и благодатностью речей всепетая и непорочная Богородица, дочь Иоакима и Анны. Удивительное сияние Ее лика и красота образа блистанием света просвещает души многих благочестивых людей, а всем нечестивцам слепит глаза.

2. Но теперь нам следует повести речь о Ее величии. Мы опишем чудеса, произошедшие от святой и чтимой Ее иконы, и откуда она появилась, и из какой страны была передана, и что случилось после этого, и где она до сих пор пребывает. Мы расскажем о путешествии ее, и о пребывании дома, чтобы и слушатели исполнились радости, и мы – веселия. Перейдем к повествованию.

---

⁹ Patterson Sevchenko N. Servants of the Holy Icon // Byzantine East, Latin West. Art-historical studies in honor of Kurt Weitzmann. Princeton, 1995, p. 547–550; Паттерсон-Шевченко Н. Служители святой иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996, с. 133–144.

3. Недавно, в те времена, когда ученики Христа, помогавшие Ему служители благовестия и нашего спасения, посещали города, проповедовали и многих приводили к познанию, тогда евангелист и богослов Иоанн, вместе с Петром, избранным из апостолов, находился в городе Эфесе. Обнаружив, что эфесяне блуждают во мраке неверия и совершают жертвоприношения, и устраивают празднества, поклоняясь богине Артемиде, Иоанн привел их светом учения к благочестию и осветил их души лучом чистой истины. Затем он с верховным апостолом отправился во Святой Град и там встретился с Филиппом.

4. Вместе с ним и с Петром Иоанн ушел в Лидду, называвшуюся Диосполем, и уловил живущих в том городе людей словесным неводом, наставил и построил прекрасный храм Богородицы. Благополучно завершив его строительство, он стал молиться со слезами и воздыханиями сердца: «Пречистая Владычице, Богородице Дево и Мати всех Бога, к Тебе прибегающих верная заступнице, яви нам, недостойным рабом Твоим, мне, Петру, Филиппу, ежели Тебе угодно, извести сердца наши, примешь ли Ты сие наше ничтожное творение, воздвигнутое Твоему честному имени».

5. Богослов еще молился, как внезапно возникла икона Богородицы в три локтя высотой на чистом мраморе Божественного алтаря, словно написанная рукою художника: и порфира, и все облачение, и руки, и Ее лик, и глаза, прочие Ее черты. Она держала на святых и пречистых руках предвечного Бога и Своего Сына. Такое странное и необычайное чудо видели Господни апостолы Петр и Филипп. «Дивен еси, Господи, – воскликнули они, – и дивны дела Твои, и неизследимы пути Твои»¹⁰. И сказав это, отправились в город Смирну в Азии.

6. Учителем возлюбленный ученик Иоанн пришел на некое место, называемое Хайретопя, где вновь совершил все по обыкновению и возвестил им о Божественном посещении архистратига Михаила и о том, что здесь им будет явлено чудесное знамение, что и совершилось. Заходил он и в другие города, желая преумножить вверенный ему талант [евангельской] проповеди.

---

¹⁰ Молитва составлена из трех цитат: Есф. 5, 2 («дивен еси, Господи»); Пс. 138, 4 («дивны дела Твои»); Рим. 11, 33 («неизследимы пути Его»).

7. Между тем нерукотворный образ, находящийся в Диосполе, творил великие чудеса, изгонял всякую болезнь и любую немощь. И если кем владела неизлечимая страсть, или скорбь, или недуг, как только поклонялся этой иконе и прикасался к ней, то сразу исцелялся от мук, испив от сего Божественного и цельбоносного нектара. Когда же случалось неверному оказаться возле этого образа Богоматери на мраморе, то, видя происходившие от него чудеса, он тотчас обращался к благочестию и принимал Божественное и спасительное крещение и просвещался.

8. Об этой святой чтимой иконе, которой поклонялись все благочестивые люди, узнал царь Юлиан, отступник от Божиих заповедей. Он, в порыве гнева, отправил каменотесов обтесать и выдолбить Ее, подвергнув полному уничтожению, но чем более необузданно действовали Каменотесы, тем более ясным и сияющим становилось святое изображение. И подобно иным [богохульникам] – иконоборцам и иноверцам: и звероименному Льву Исавру, наследнику адрамитского царя Феодосия, и Константину, несчастному его сыну, который за свое испражнение в час Божественного рождения в великом и священном Крещении всеми был в насмешку прозван Каваллином¹¹, и с ними многим другим, совершившим подобное или даже и худшее, [посланники Юлиана] ушли, ничего не достигнув, ошеломленные скорее невероятным событием, чем величиною и прочностью камня.

9. Иже во святых отец наш и вселенский учитель Герман, который по Божественному жребию держал бразды правления Константинопольской Церковью, до поставления на патриаршую кафедру побывал в Диосполе ради этого святого и всечестного образа всенепорочной Богородицы Марии с целью сделать список с необычайного нерукотворного образа. Увидев его, в великом потрясении, он постарался как можно скорее живописать его красоту на доске, изобразив и Господа нашего Иисуса Христа и Бога на святых и пречистых объятиях Богоматери, прибегнув к помощи своего верного слуги, по ремеслу художника.

10. Именно эту икону Богородицы он хранил у себя в храме патриаршего дворца как величайшую

---

¹¹ Иначе, Копронимом.

покровительницу. Он претерпел много ужасного от нечестивого императора Льва Конона и от ненавидящих Христа и безбожных иконосожигателей, однако не был ими побежден, и не уступил им. Осужденный, в конце концов, на изгнание, он покинул патриарший храм Божией Премудрости, взяв с собой эту икону, и, прижимая ее к себе, сошел на берег, называемый Амантием. Своими собственными руками он обозначил год и день своего изгнания, а после написал на дощечке эти молебные слова: «Всепетая Владычице Богородица, Спасителя мира во чреве Своем вместившая и носившая, спаси Себя и нас, верно чтущих Тебя и поклоняющихся Тебе». Облобызав икону, он прикрепил дощечку к передней ее стороне и опустил ее прямо в море, со слезами поклонился и отбыл в изгнание.

11. И эта святая и почитаемая икона, по истинному преданию благочестивых людей, появилась спустя день и ночь в древнем городе Риме. Через Божественное откровение извещенный о ее прибытии папа Григорий Двоеслов, сей Божий человек, поспешил выйти ей навстречу. Когда же папа, ведомый высшим промыслом Божиим, взошел на корабль, воды усмирились, и он увидел икону, подошел ближе и ужаснулся необычности происходящего. Как только архиерей протянул ей навстречу руки, и, прежде всего, свое сердце, преисполненный слез, в одно мгновение – о чудо! – почитаемая икона поднялась над водами и была положена на руки своего достойного слуги, стоявшего на середине корабля. Патриарх Григорий принял святое и славное изображение Пресвятой Госпожи нашей Богородицы на руки, с трепетом и изумлением. В сопровождении множества собравшихся людей, держащих свечи, с песнопениями и каждением, он внес икону в церковь святого и верховного из апостолов¹². После усердной молитвы и принятого [в торжественных случаях] славословия он положил святое и драгоценное сокровище внутри святого и священного алтаря, где [совершается приношение] честных Даров. Сия икона почиталась всеми верующими, ей поклонялись и горячо лобызали ее.

12. По прошествии долгого времени некий нечестивый и презренный человек из иконосожигателей, устремившийся из Царского Града, звероименный (звали

¹² Храм апостола Петра в Риме.

его Лев) и зверонравный, достиг Рима, направляясь к галлам, и, увидев Божественное изображение на этой иконе, исполнился гнева. Этот несчастный и до предела обезумевший человек богохульствовал, произнося поношения и оскорбления, возмущаясь, что вновь обнаружил здесь языческое идолопоклонство! После он добавил и другие слова, которые более свойственно произносить пьяницам и преступникам. Он не мог сдержать нечестивой жажды, которая заставила взять его в руки нож, — о дерзость! — и, в безумной насмешке, вонзить его в чтимую и святую икону Богородицы гневным ударом в правую щеку, чуть ниже ресниц.

13. И тут же произошло нечто невероятное и превосходящее всякое разумение. Ибо из пронзенной щеки брызнула струя крови и потекла вниз, вплоть до груди Богоматери, и [казалось], что рана была нанесена Самой Матери Божией, в правую часть Ее груди, и Она, находясь на иконе, страдала от боли, как бы обличая безбожную дерзость нечестивых. Когда безбожный и звероименный Лев увидел стекающую струю крови, он, ошеломленный, отвернулся от нее и упал навзничь, Божественной ли силой незримо пораженный, или зрелищем уstraшенный, не могу сказать. Он упал без чувств и, едва живой, лишенный дара речи, был поднят на руки людей, сбегавшихся на помощь, и тяжело дышал. Спустя долгое время он пришел в себя, оправившись от случившегося с ним обморока, и сказал, что кругом видел сверкающее пламя и, не в силах вынести его сияния, пораженный, тотчас упал, и получил надлежащее возмездие от Бога. Ничуть не опечалившись содеянным кощунством, он через три дня испустил дух и отправился в тамошнее судилище.

14. И пусть никто не усомнится в чуде, полагая, что мы морочим ему голову, но пусть знает, что Сам Бог побудил нас сказать и описать все это, ибо Он был устройтелем чудесного знамения и зрителем описанных событий. Все случившееся и соделанное мы вверяем Богородице. Ибо Она — судия нечестивых и защитница благочестивых. А теперь нужно рассказать о Божественном и непостижимом Ее заступничестве.

15. Некий благочестивый и боголюбивый человек, живущий в городе Риме с женой и ребенком, подавал нуждающимся, сколько мог, из того, что имел. Как-то

решил сей нищелюбивый муж поплыть в Константинополь, ибо был торговцем. Когда он отправился на морской берег, чтобы нанять корабль, жена сказала ему: «Господин мой, на кого ты нас покидаешь?» Он же ей ответил: «Поручаю тебя и мое дитя Госпоже нашей и Владычице Богородице Марии». Сказав это, он оставил жену и ребенка, которому шел уже седьмой год, с одной служанкой и одним рабом в своем доме и отправился в плавание.

16. Его жена осталась одна. Она сама работала, и ребенок помогал ей. Злой же и лукавый раб, одержимый сатаной, захотел убить женщину и ребенка, украсть их имущество и бежать. Замыслив и обдумав все это, он взял острый нож и тайком направился в триклиний, где находилась госпожа. Едва этот замысливший убийство злой раб оказался у входа в триклиний, как его охватила некая незримая Божественная сила, и он не мог ни войти в триклиний, ни вернуться назад, туда, откуда пришел.

17. Достаточно долго он бил себя кулаками, побуждая войти туда, где находилась его госпожа, потерпев же неудачу, стал кричать: «Встань, госпожа моя, подойди ко мне. Мне необходимо сообщить тебе одну тайну». Она же, видя, что он стоит в дверях и не может войти внутрь, позвала его словами: «Если ты хочешь, как ты говоришь, что-то мне сообщить, так это скорее ты должен подойти ко мне». Она не поняла, что его невидимо сдерживает и не позволяет ему сдвинуться с места [некая сила]. Когда он во второй и в третий раз позвал ее, а она не послушалась, раб начал страшными клятвами заклинать ее, чтобы она прислала к нему ребенка. Она же и этого не выполнила.

18. Тогда тот несчастный, замысливший злодеяние слуга, видя, что не в состоянии что-нибудь сделать, что его намерение потерпело крушение, обратил нож против себя самого, и, закричав, вонзил его в собственные внутренности. Он лежал, тяжело дыша, с выпученными глазами, и едва мог говорить. Госпожа, увидев все это, запричитала, созвала соседей в свидетели для исследования преступления, рассказала обо всем случившемся. Слуга подтвердил ее слова, еще дыша и держа нож в руке, и подтвердил, что сам убил себя. Собравшиеся, выслушав все это, увидев окровавленную десницу раба и получив от него точные

показания, восславили Бога, спасшего мать и дитя от ужасной смерти заступничеством Пресвятой Богородицы, именуемой Римской.

19. Пропуская невероятные чудотворения Богоматери, бывшие в великом городе Риме, скажем о Ее уходе из сей «царицы городов» и возвращении [обратно в Константинополь]. Это не должно оставить без внимания, но, поражая слушателей, правдиво описать.

20. Однажды, на вечернем богослужении, которое совершал тогдашний римский архиерей, в храме святого первоверховного апостола Петра, когда весь народ пел «светильничный гимн», с воздеянием рук и возведением очей горе, в молении о послании им милости от Бога, как говорят, случилось так, что стоящий в святом алтаре, где [хранятся] Честные Дары, всечестной образ Богоматери у всех на виду задрожал и стал колебаться из стороны в сторону. Затем на глазах у всех созерцавших происходящее, объятых ужасом и плачущих от страха, икона внезапно была восхищена со своего места и поднята вверх, таким же образом опущена вниз. После, выйдя через Царские врата, икона с помощью Божественной силы переместилась к реке, за городские стены. Так что все присутствующие при необычайном зрелище загоревали и опечалились, видя в этом предзнаменование гибели своего отечества, и, с воплями, пошли к реке и обратили свои взоры к морю и стали свидетелями сего события.

21. Тогдашний глава римской Церкви пришел вместе со всем клиром за стены города посмотреть на случившееся и, увидев удаляющуюся, как и прежде [пришедшую] прямо по водам, икону, возопил к Богородице, охваченный ужасом и плачущий от страха: «Благоволила Ты уйти от нас, скиния освящения Бога, но не оставляй нас, всепетая Богородица, оберегая нас во веки». Произнеся эти и иные слова, подобающие часу и случаю, архиерей возвратился в свой город.

22. А честной и почитаемый образ Богородицы, снова за день и ночь переплыв море, вернулся в Константинополь. Когда же он достиг залива возле императорского дворца, места, называвшегося Фиалом, поборники православной веры, увидев, как он прямо идет по водам, взошли на корабль и подняли его с поверхности моря, узнав в нем молитвенницу и защитницу Германа, святейшего и вселенского патриарха-

исповедника. Образ приняли как покров для всего народа и отнесли Феодоре, благочестивейшей и христоролюбивой августе. Ее супруг Феофил как раз незадолго до этого оставил престол и ушел из жизни, а она правила царством ромеев вместе со своим сыном Михаилом. Феодора и ее боговенчаный сын приняли икону и, с верою облобызав ее, отправили в храм непорочной Девы Марии, прозванный Халкопратийским.

23. После, когда была установлена по вторникам процессия Богоматери Одигитрии, наиболее ревностные из православной общины сформировали службу из братьев, которые брали [Римскую] икону из храма Божия и во время Божественной и священной литании, происходившей раз в неделю, носили ее вместе с Одигитрией по честным храмам святых, полагая сие правильным. Эта древняя традиция сохраняется поныне.

Однако уже было достаточно сказано об этом, перейдем к другому чуду от сей иконы.

24. Некий набожный человек по имени Иоанн с женой Ириной, подобной ему по нраву, имели дочь, которую звали Анна, девицу на выданье, отличавшуюся своей красотой. Иоанн решил соединить ее законным браком с одним знаменитым человеком. Но лукавый бес, начальник зла, позавидовал добродетели дочери и ее сиятельной красоте. Он вселился в девицу и стал трясти ее и разлагать. Узнав об этом, родители опечалились и приуныли, недоумевая, что им теперь делать. Пришедшие боголюбивые родные и близкие утешили их и посоветовали отправиться к честной и святой иконе Богородицы и Приснодевы Марии, которую все называют Римской, и просить у нее спасения единственной их дочери.

25. И вот ее родители, видя дочь, терзаемую нечистым духом, укрепившись верой в Господа нашего и Бога Иисуса Христа и молитвой Богородицы, встали, и взяли свою дочь, и пришли к Божественной иконе. Они взяли от честного и почитаемого образа масло и дали его пить дочери и им помазали ее. Демон не вынес силы святого масла; он стал смущать и путать девицу и заставил ее произносить богохульные слова. Собравшиеся же возле иконы Богородицы люди, воздев руки к всевышнему Богу, зывали непрестанно: «О, Господи, Господи, врачу душ, скорый помощник, услыши молитву нашу, просящих Твоего заступления. И как Ты

освободил дочь хананейскую от злого и горького демона, как исцелил ребенка, [страдавшего] лунатизмом, явив людям Твою Божественную славу и силу, так и ныне, Владыко, изгони из сей рабы Твоей мучающего ее злого и нечистого беса, умолен буди молитвами Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Матери Твоей и всех Твоих святых».

26. И когда все они еще молились, собранные вместе нечистые бесы произнесли устами девицы: «Пресвятая Богородице Мария, ты спешила прийти из Рима, и скоро по повелению Твоей силы я ухожу, ибо знаю, что Ты Мать единого Бога живого». После этих слов старший из братьев сказал: «Не противься, нечистый дух, и изыди из сей девицы». И бес ответил: «Мне повелела Пресвятая Богородица Мария, чтобы я покинул тело девицы, не причинив ей никакого вреда». Сказав это, девица наклонила голову к иконе, ненадолго замолчала, затем выпрямилась. Освободившись от нечистого беса, укрепившись духом, здоровая телом, она исполнилась радости и ликования и восславила в благодарении человеколюбивого Бога и Богородицу Марию. С того времени родители девицы стали торжественно праздновать память Богородицы, повествуя о Ее величии.

27. Богородица сотворила бесконечное множество чудес и не перестает их творить, ибо Она – Мать Христа Бога нашего и Родительница Незаходимого Света. Сколькое за столькие годы Она соделала!? Какое описание вместит [все Ее чудеса]? Обо всем рассказать невозможно, добро же будет в конце сказания добавить об одном еще чуде.

28. Как-то раз, в полдень, один критянин по имени Ставракий, отмеченный правителем Василия достоинством спафарокандидата, вместе со своим шурином – писцом Иоанном, вступил в беседу с двумя агарянами, по ремеслу пекарями, о православной вере христиан и о непорочном их служении. Ставракий говорил, что христиане – это большой и великий народ, и потому у них много последователей. Когда же агаряне возразили ему, осыпав бранью Сына Божия, всепетую Божию Мать и Богородицу Марию и всех святых, Ставракий, не вынеся сквернословия этих безбожных агарян, стал проклинать побудившего их к таким словам дьявола и, укоряя их, исповедовал, что поклоняется Единородному

Сыну Божию, Его Матери и Богородице Марии и всем святым и почитает их и Божественные их изображения на иконах, которым поклоняется как возводящим ум через органы зрения к Божественному.

29. До вечера Ставракий был в прекрасном состоянии. А когда наступила ночь, и агаряне ушли, ему явился во сне сын погибели с другими бесами и сказал: «Вставай, Ставракий, дай слово духу сквернословия. Он немало досадует и ярится на тебя, ибо среди своих проклятий ты задел его». И когда лукавый произнес эти слова, бесы обманом схватили Ставракия и притащили к бесовскому отцу. Приведенный в темное сумрачное место, Ставракий увидел множество подобных тьме бесов и, смутившись в душе, сказал: «Да воскреснет Бог и расточатся враги его» и остальные стихи псалма¹³. Подобные ночным вранам бесы обращали свои сумрачные фигуры то в протоспафария, то в манглавита со словами: «Ты говоришь, смертный, что мы должны рассеяться как прах земной, и как дым исчезнуть, и растаять и погибнуть, как воск от лица огня, и быть преданными в полную погибель, так прими же от нас проверку бичеванием». Сказав это, демоны со злостью обернули вокруг его ног веревку и потащили его по земле, ударяя по спине розгами, пинали его ногами в пах, разбивали и разрывали его тело дубинами и булавами. Покровители тьмы не отпускали Ставракия до тех пор, пока он не сделался полумертвым. Придя в себя, Ставракий призывал имя Богородицы, и услышали демоны имя Приснодевы и Богородицы Марии, и почувствовали крепкое Ее заступничество за Ставракия и защиту призвавшего Ее в несчастье. И сразу они обратились в бегство.

30. Ставракий, поднявшись с ложа, был охвачен тревогой и страхом, будто все это не привиделось ему, но произошло на самом деле. Он думал: только что бесы были у меня дома, это они напугали меня и рвали на части мои внутренности и били плетью. Он воздел руки горе и возслал славу и хвалу Спасителю Богу. В то время, как он молился, перед ним воссиял свет, ибо явилась ему предстательница мира и всепетая Богородица со словами: «Ставракий, прииди ко Мне, разузнай, где находится дом Римской [иконы Богоматери]». Лишь заслышав голос, Ставракий тотчас отправился на поиски Явившейся ему. Узнав, где

¹³ Пс. 67, 1-2.

расположен храм Пречистой Приснодевы, он вошел в него, упал на колени перед святой иконой и возвестил бывшим там, какое испытание и бичевание претерпел он ночью от бесов, и как могущественное заступление Богородицы прогнало от него бесов и избавило от их сквернейших рук, и как явилась ему всепетая Богородица во время молитвы. Тогда все воздали славу и хвалу Богу славы и Препоблагословенной Деве и Непорочной Марии, принесли благодарение за избавление. Ставракий выпил святого масла от пречистой и почитаемой ее иконы¹⁴, приказав отслужить Божественную Литургию.

31. Но Ставракий ушел, не удостоившись поприсутствовать на Божественной Литургии. Тогда мира теплая предстательница и прибегающих к Ней верная заступница явилась ему снова со словами: «Ставракий, Я пришла ради тебя, а ты даже не удостоил Меня своим присутствием на Божественной Литургии?» Услышав эти слова, Ставракий пустился в путь, пришел к почитаемой иконе Пречистой и Приснодевы Богородицы Марии, называемой Римской, плача, и стеная, и бия себя в грудь, глаголя Богородице: «Дево Богородице, Бога Слово плотию рождающая, я знаю, знаю, что не подобает и нет благословения мне, столь нечистому и недостойному, взирати на икону Твою – чистой Девы Приснодевы, а достойно мне, нечистому, быть ненавидимым и отвергнутым Тобой. Но все же, ибо сделался Бог, Которого Ты родила, человеком, чтобы призвать грешников к покаянию, помилуй и Ты мя, грешного, и прощение подаждь мне прегрешений».

32. И в то время, как Ставракий стоял перед святой и почитаемой иконой и возносил моления Богородице, прямо перед всей толпой – о чудо! – по повелению Божественной силы он сам вдруг развязал пояс и снял свое верхнее платье, оставшись в одном полотняном офонионе¹⁵. Упавши ниц и сложив руки, Ставракий исповедал перед толпой содеянные им прегрешения. Всех присутствовавших при этом охватил страх и ужас от необычайного чуда Пречистой. Ставракий стоял так вплоть до часа девятого, и всепетая Богородица

¹⁴ Дословно «раки» (греч. *σορον*).

¹⁵ По всей видимости, нижнее платье.

приказала ему уйти в дом его и то, что имел он незаконного, принести Богородице. Он думал: только что бесы были у меня дома, это они напугали меня и рвали на части мои внутренности и били плетьюми. Он воздел руки горе и возслал славу и хвалу Спасителю Богу¹⁶ и благодарение Богородице.

33. На следующий день с рассветом Ставракий пришел к всеобщей мира предстательнице и спасения гавани Богородице, нарицаемой всеми Римской, и упал на колени перед святой иконой и возвестил бывшим там, какое испытание и бичевание претерпел он ночью от бесов, и как могущественное заступление Богородицы прогнало от него бесов и избавило от их сквернейших рук, и как явилась ему всепетая Богородица во время молитвы. Таково Богом дарованное могущество рождающей Бога. Такова благодать Ее чудес, от которых почерпая, мы угашаем пламя своих страстей.

34. Но, о Госпоже Пречистая и Дево, христиан верная заступнице и скорая помощнице в нуждах призывающих Тебя, прими наши молитвы и исправи молитву нашу словно кадило пред Сыном и Богом Твоим, чтобы беспрепятственно Тобою сохранены были от всяких бед. Тебя бо к Богу ходатаицу имамы, и Тобою избавиться надеемся от мучения адского и милости вечной жизни сподобиться, и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и сила со Безначальным Его Отцом, и Всесвятым, и Благим, и Животворящим Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

---

¹⁶ От «он думал» до «Спасителю Богу» – дословная вставка из параграфа 30. Вероятно, ошибка переписчика. В целом, логическое повествование в параграфах № 30–33 кажется несколько нарушенным.

РУИ ГОНСАЛЕС ДЕ КЛАВИХО. РЕЛИКВИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В НАЧАЛЕ XV ВЕКА

Перевод со староиспанского *И. С. Мироковой*,
предисловие *А. М. Лидова*

Руи Гонсалес де Клавихо был участником испанского посольства в Самарканд ко двору Тимура в 1403–1406 гг.¹ Он оставил интереснейшие путевые записи, заметная часть которых посвящена описанию Константинополя, в котором испанцы провели некоторое время, внимательно осматривая всевозможные достопримечательности. Реликвии и чудотворные иконы занимали среди них отнюдь не последнее место. Напомним, что это было время глубокого государственно-политического кризиса. Византийская империя сократилась практически до размеров своей столицы, которая доживала последние десятилетия под все возрастающей угрозой турецкого завоевания. Клавихо сообщает уникальные сведения о том, какие важнейшие реликвии находились в то время во владении византийских императоров и как они хранились в особой башне при церкви Св. Иоанна. Интересно описание обряда презентации реликвий, который, как можно думать, имел место не только в связи с приемом испанских послов. Клавихо, как кажется, сохраняет спокойствие и трезвость при появлении великих святынь, обращая особое внимание на устройство реликвариев, которые до наших дней не сохранились. Его описание носит несколько музейный характер.

Не менее интересно свидетельство Клавихо об «альтернативном» католическом собрании реликвий, находившемся во францисканском монастыре в Пере, районе традиционного расселения латинян. Как о том прямо говорит Клавихо, многие реликвии достались

---

¹ Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М., 1990, с. 42–44, 47–48.

латинянам в результате разграбления Константинополя крестоносцами в XIII в. Примечательно, что внимательный путешественник сообщает своим читателям детали внешнего вида реликвариев, которые существенно отличаются от недавно увиденной «византийской коллекции».

Этот своего рода «музейный» подход можно заметить и в описании чудотворной иконы Богородицы Одигитрии и ее вторичного действия. Клавихо – единственный автор, обративший внимание на убранство иконы, ее оклад, а также размеры и внешний вид доски. Он отметил даже такие подробности, как крепления иконы и технику ее ношения представителями особого рода служителей². Большое значение имеет и упоминание о том, что в определенные дни Одигитрию Константинопольскую переносили в Святую Софию. Оно находит подтверждение у Антония Новгородского, который в 1200 г. видел чудотворную икону в Великой Церкви.

***

В тот же день [посланники] отправились смотреть святыни, хранившиеся в церкви святого Иоанна, которые ранее им не были показаны из-за отсутствия ключей. Когда они прибыли в церковь, монахи облачились, зажгли множество факелов и свечей, взяли ключи и с песнопением поднялись в некое подобие башни, где хранились святыни. С ними был один кавалер императора, а [монахи] несли шкатулку красного дерева. Монахи шли, неся [шкатулку], и пели свои скорбные песнопения, с зажженными факелами и со множеством кадильниц, несомых впереди, и поставили ее в самой церкви на высокий стол, покрытый шелковой тканью. Эта шкатулка была запечатана двумя печатями белого воска, рядом с двумя серебряными застегками, и закрыта на два замочка. [Монахи] открыли ее и достали два больших серебряных позолоченных блюда, предназначавшихся для того, чтобы на них выкладывать святыни. [Монахи] взяли из шкатулки [небольшой]

---

² Согласно свидетельству русских летописей первой половины XV в., эти служители происходили из рода евангелиста Луки, по преданию написавшего саму икону.

мешочек из белого димита, запечатанный восковой печатью, развязали его и достали оттуда маленький круглый золотой ларец, внутри его был тот хлеб, который в четверг на Тайной Вечере Господь наш Иисус Христос дал Иуде в знак того, что он предаст его, и последний не мог его съесть. Он был завернут в красный тонкий сендаль и запечатан двумя печатями красного воска. И был тот хлеб размером в три пальца. Кроме того, из мешка вынули другой золотой ларец, меньше первого. Внутри его была вделана коробочка, которую нельзя вынуть; она была из хрусталя, и в ней находилась кровь нашего Господа Иисуса Христа, которая потекла из бока его, когда Лонгин ранил его копьем. Из этого же мешка вынули еще один маленький золотой ларец, крышка которого была пробита насквозь подобно терке. В нем была кровь, вытекшая из распятия Христа, которое во гневе ударил один иудей в городе Баруто (Бейрут)³. Потом вынули хрустальную коробочку с пробкой, прикрепленной золотой цепочкой, в ней лежал кусочек красного сендаля, в который были завернуты волоски из бороды Господа нашего Иисуса Христа, которые вырвали у него иудеи, когда распинали. Потом из этого же мешка достали другой ларец, в котором хранился кусочек камня, на который был положен Господь наш Иисус Христос при снятии с креста. Далее из этой шкатулки вынули другую, серебряную с позолотой, четырехугольную, длиною в две с половиной пяди. Она запечатана шестью печатями, положенными у шести пар круглых серебряных застежек, у нее имелся замочек и рядом висел серебряный ключик. Открыли и этот ларец и вынули оттуда дощечку, покрытую золотом, и лежало в ней железо от копья, которым Лонгин поразил Господа нашего Иисуса Христа, и было оно тонко и остро, как шип или стрела, а в месте, где насаживалось на древко, продырявлено; длина его, возможно, одна пядь и два дюйма. На конце острия виднелась кровь, такая свежая, как будто только что случилось то, что сделали с Иисусом Христом. И это железо было шириной около двух дюймов и вделано в эту позолоченную дощечку; железо не блестело, а было тускло. Кроме того, в ту же доску был вделан кусочек

³ Речь идет о крови от знаменитой чудотворной иконы, в X в. перевезенной в Константинополь.

трости, которой били по голове Господа нашего Иисуса Христа, когда он стоял перед Пилатом. Кусок [трости] был длиною около полутора пядей и казался красного цвета. А внизу под этим копьем и тростью, на этой же самой дощечке, был вделан кусок губки, на которой дали Иисусу Христу, нашему Господу, желчь и уксус, когда он был на кресте. В этой же самой серебряной шкатулке, откуда достали дощечку, хранилась одежда Господа нашего Иисуса Христа, о которой бросали жребий воины Пилата. Она была сложена и скреплена печатями для того, чтобы те, кто приходил смотреть [ее], не могли оторвать от нее [кусочек], как ранее делали. Только один рукав не был сложен и запечатан. Эта одежда на красной подкладке из димита, похожего на сендаль, а тот рукав, что на застежке, очень узок и разрезан до локтя и застегивается на три пуговики, сделанных словно из шнурочка, как узелки на [птичьих] путях. И пуговики, и рукав, и то, что можно было видеть из одеяния, казались темно-красного цвета с розовым оттенком и больше приближались к этому цвету, чем к другому. И казалось, что [одежда] не тканая [целиком], а сшитая иглой, так как нити шли точно крученые и плотно прилепали одна к другой. Когда посланники пришли посмотреть эти святыни, то знатные люди и горожане, узнав об этом, также собрались посмотреть на них, и все много плакали и молились.

В тот день они осматривали женский монастырь, называемый [монастырем Христа] Вседержителя⁴. Там в церкви [посланникам] показали разноцветный мраморный камень, девяти пядей в длину. На этот камень, говорят, был положен Господь наш Иисус Христос, когда был снят с креста⁵. На нем были видны слезы трех Марий и святого Иоанна, которые плакали, когда Господь наш Иисус Христос был снят с креста, и эти слезы были так свежи, как будто [все] это только что произошло.

Кроме того, в этом городе Константинополе есть очень почитаемая церковь, носящая имя святой Марии Дессетрии (Одигитрии). Эта церковь маленькая, и при ней живут

---

⁴ Речь идет о монастыре Пантократора, основанном в 1136 г. императрицей Ириной Комниной.

⁵ Реликвия Плиты Оплакивания была перенесена из Эфеса в Константинополь при императоре Мануиле Комнине. Сначала помещена в церкви Богоматери Фаросской, затем, после смерти императора Мануила, положена у его гроба в монастыре Пантократора.

несколько монашествующих каноников, не едящих мяса, не пьющих вина, не употребляющих масла, ни иного жира, ни рыбы, в которой есть кровь. Внутри церковь превосходно отделана мозаикой, и в ней хранится образ святой Марии, который, как говорят, исполнил и начертал собственной рукой славный и благословенный святой Лука. Этот образ, говорят, совершал и совершает ежедневно великие чудеса, и греки его очень чтят и устраивают [в его честь] праздники. Образ выполнен на квадратной доске около шести пядей в ширину и столь же в длину; он укреплен на двух ножках, а сама доска покрыта серебром, и в нее вделано много изумрудов, сапфиров, бирюзы, жемчуга и других разных камней, и вставлена она в железный киот. Каждый вторник в честь этого [образа] совершается большое празднество. Сюда стекается много монахов, богомольцев и разного другого люда, также приходит духовенство из многих других церквей, а когда читают часы, этот образ выносят из церкви на площадь, что рядом. Он так тяжел, что его несут три или четыре человека на кожаных ремнях с крюками, при помощи которых образ снимают с места. Вынеся его, ставят посередине площади, и весь народ начинает молиться перед ним с плачем и стенаниями. Когда все собираются, появляется старик и молится перед образом. Потом он берет его, легко поднимает вверх, как будто в нем нет веса, и несет во время шествия и затем водружает [на место] в церкви. Удивительно, что один человек может поднять такую тяжесть, как этот образ. Говорят, что никто другой не может поднять его, кроме этого [человека], так как он происходит из рода, угодного Богу, и [потому] может поднять его. В некоторые годовичные праздники этот образ переносят в церковь Святой Софии с большим торжеством, так как народ его очень почитает.

...

В этом городе Пере есть два монастыря с прекрасными домами-постройками, один из них — святого Павла, а другой — святого Франциска. Их-то и отправились смотреть посланники.

Монастырь святого Франциска богато украшен и хорошо устроен. Здесь им показали много святынь, прекрасно убранных. Вот они. Прежде всего, [посланникам] показали хрустальный ящик, богато изукрашенный, на серебряной

позолоченной ножке, в котором хранились кости благословенного святого Андрея и славного святого Николая и одеяние святого Франциска. Потом им показали другой хрустальный ящик, отделанный серебром, где хранилась ключица святой Екатерины. Кроме того, им показали [еще] хрустальный ящик, богато изукрашенный серебром, позолотой, [драгоценными] камнями и жемчугом, в котором покоились кости святого Луиса Французского и святого Си Генуэзского.

После показали [посланникам] еще шкатулку, прекрасной работы, в которой хранились кости невинных [младенцев]. Далее им показали кости руки святого Пантелеймона. Кроме этого, им была показана кость руки святой Марии Магдалины, кость руки святого Луки Евангелиста, три из голов одиннадцати тысяч дев и кость святого Игнатия, посвященная святой деве Марии. Кроме того, [посланникам] показали правую руку без кисти святого Стефана первомученика, украшенную серебром с камнями и жемчугом. [Далее] им была показана правая рука с кистью святой Анны, богато украшенная, на ней не доставало мизинца. Говорят, что его отнял император Константинополя, чтобы присовокупить к своим святыням, и что по этому поводу шла тяжба. [Потом] им показали серебряный позолоченный крест, украшенный камнями и жемчугом, в середину его был вделан маленький крестик из дерева святого животворящего Креста.

[Также посланникам] показали богатый хрустальный ящичек, великолепно изукрашенный, в котором хранилась кость славного святого Василия. Потом показали им серебряный золоченый крест, роскошно украшенный крупным жемчугом и многими камнями, в который были вделаны мощи разных святых. Потом им показали изукрашенный хрустальный ящик, в котором хранилась серебряная рука, держащая в двух перстах, поднятых вверх, кость благословенного святого Лаврентия. Показали еще мешочек, расшитый серебром, в котором хранились мощи святого благословенного Иоанна, святого Дионисия и многих других святых. Говорят, что эти святыни уже были, когда Константинополь взяли латиняне, и что после их требовал греческий патриарх и у него была с ними тяжба. Им показали также разные богато расшитые церковные одежды, которые у них были, чаши и кресты.

ПЕРО ТАФУР РЕЛИКВИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Перевод со староиспанского, предисловие
и комментарии *Л. К. Масиеля Санчеса*

Предлагаемые читателю тексты являются фрагментами замечательного памятника позднесредневековой кастильской литературы — «Странствий и путешествий» Педро Тафура¹. Эта книга представляет собой автобиографию с элементами рыцарского романа, написанную в форме воспоминаний о путешествии. Автор — идадьго, скорее любознательный, нежели образованный, посетил между 1436 и 1439 гг. почти все страны Средиземноморья, а также немецкие земли. Вернувшись, он не сразу берется за перо: его «Странствия» записаны в 1453–1454 гг., полтора десятилетия спустя. Их отличает неповторимый вкус лично пережитого: остроумие и непосредственность, богатство встреч, анекдотов, легенд, восхитительных подробностей. Святыни и реликвии не являются предметом преимущественного внимания автора, что сильно отличает его книгу от большинства дошедших до нас описаний средневековых путешествий; тем не менее ряд сообщаемых сведений представляет большой интерес. Среди публикуемых ниже фрагментов, посвященных святыням Константинополя (Тафур был здесь с конца ноября 1437 по начало апреля 1438 г.), особенно важен подробный рассказ об иконе Богородицы Одигитрии — одно из лучших сохранившихся до наших дней описаний знаменитого еженедельного чуда.

---

¹ Andanças e viajes de un hidalgo español. Pero Tafur (1436–1439) / Ed. F. Lopez Estrada. Barcelona, 1982. В квадратных скобках перед отрывками даются номера страниц по вышеупомянутому изданию.

***

[146–147] Ответил он² мне, что лет сто пятьдесят тому назад [...] венецианцы захватили город и удерживали его семьдесят лет³, и вывезли оттуда много святых реликвий, находящихся ныне в Венеции: тела святой Елены и святой Марины, и много других реликвий; также вывезли они оттуда великолепные фрагменты сооружений, вывезли две огромные колонны, которые поставлены теперь на берегу моря, и святой покровитель [венецианцев] наверху, высотой же они с башню, и очень трудно поверить, что смогли такие [огромные колонны] вывезти; а над порталом собора святого Марка установлено четыре больших коня из бронзы, покрытых толстым слоем чистого золота; также много плит мрамора и яшмы и великое множество других вещей вывезли они из Константинополя в то время, что им владели [...].

[170–173] На следующий день отправился я к сеньору деспоту⁴ и попросил его о любезности, чтобы велел он показать мне Святую Софию и святые реликвии, и сказал он, что с удовольствием, и что ему хотелось бы сходить туда, и то же самое сказала сеньора императрица и брат ее, трапезундский император⁵, что хочет он отслушать там мессу. И отправились мы в церковь, и отслушали мессу, и потом велели они показать мне всю церковь [...]. Сеньоры приказали, как я сказал, чтобы клирики извлекли тамошние святые

---

² Иоанн VIII Палеолог (1392–1448), византийский император в 1425–1448 гг.

³ Речь идет об оккупации Константинополя крестоносцами в 1204–1261 гг.; венецианцы сыграли в этих событиях едва ли не главную роль.

⁴ Константин Драгаш (1405–1453), деспот Мореи (1428–1449), затем последний император Византии (Константин XI, 1449–1453) – четвертый сын Мануила II и Ирины Драгаш, от которой получил свое прозвище. Во время пребывания своего брата Иоанна VIII на Ферраро-Флорентийском соборе (1437–1440) он был фактическим правителем империи.

⁵ Речь идет о Марии Трапезундской (†1440), ставшей в 1427 г. третьей женой императора Иоанна VIII. Она была дочерью императора Трапезунда Алексея IV (1417–1429). Упоминаемый здесь брат императрицы Александр (ок. 1403 – ок. 1460) был вторым сыном и наследником Алексея IV. После того, как старший брат Александра Иоанн IV (ок. 1401–1458) взошел на престол, свергнув и казнив в 1429 г. собственного отца, Александр бежал в Константинополь, откуда безуспешно добивался отцовского трона.

реликвии; один ключ у деспота, второй у патриарха Константинопольского, который был там⁶, а третий у приора церкви; клирики, одетые [в богослужебные одежды], с процессией принесли нам реликвии, а именно: во-первых, копье, которое вошло в бок Нашего Господа, чудесная реликвия⁷; и несшитый хитон Нашего Господа, который, как было заметно, некогда был пурпурным, но за долгое время стал каким-то бурым; и один гвоздь Нашего Господа, и несколько шипов из венца; и много других вещей, таких как древо Креста, или часть колонны, у которой бичевали Христа; также вещи Госпожи Нашей Девы Марии; и решетки, на которых был поджарен святой Лаврентий, и много других реликвий, которые святая Елена, будучи в Иерусалиме, взяла и привезла туда, и пользуются они величайшим почитанием, и хорошо охраняются. Дал бы Бог, чтобы во время нынешнего разорения греков⁸ не попали они в руки врагов веры, ибо будут с ними дурно и непочтительно обращаться!

[174-175] Сеньор, императрица и ее брат отправились во дворец, а я вернулся туда, где остановился; на следующее утро отправился я осматривать церковь Святой Марии, в которой погребено тело Константина, и есть там икона Нашей Госпожи Девы Марии, написанная святым Лукой⁹, а с другой стороны

⁶ В то время, когда Тафур осматривал Святую Софию, патриарха (Иосиф II, занимал кафедру с 1416 по 1439) в Константинополе не было: он находился на Ферраро-Флорентийском Соборе.

⁷ Такую же реликвию Тафуру показали в Нюрнберге (*Tafur P. Op. cit.*, p. 269-270): «Здесь находится церковь, где император Карл Великий поместил святыни, привезенные из-за моря, когда завоевал он Иерусалим; и ходил я туда с кардиналами смотреть те святыни, и показали мне много их, среди которых показали железное копье длиной в локоть и говорили, что это оно пронзило бок Нашего Господа; а я сказал, что видел его в Константинополе. Уверен, что если бы не было там сеньоров, было бы мне опасно оставаться с немцами из-за того, что я сказал».

⁸ Текст создан под живым впечатлением от сообщения о взятии Константинополя турками 29 мая 1453 г.

⁹ Речь идет о знаменитой иконе Богоматери Одигитрии («Путеводительницы»), находившейся в небольшом храме времен императора Маркиана (450-457) недалеко от Большого дворца. По вторникам совершался крестный ход с этой иконой. Константин никогда не был здесь похоронен. «Посольство к Тамерлану» сообщает, что в церкви Одигитрии похоронен Андроник IV Палеолог (император в 1376-1379), умерший в 1385 г. (*Гонзалес де Клавихо Р. Дневник путешествия*

Наш Господь распятый, написанный на каменной плите и украшенный по краям и по фону серебром, которого, говорят, несколько кинталов¹⁰, а все изображение такое тяжелое, что не смогли бы поднять и шесть человек. И каждый вторник собирается множество людей, и отправляется туда до двадцати человек, одетых в длинные красные, словно у быков для охоты на куропаток¹¹, полотняные одежды, с покрытыми головами; люди эти из одного рода, другие не могут исполнять эту службу; они движутся с большой процессией, и люди в том одеянии подходят по одному к иконе, и кто ей нравится, тому она позволяет взять себя так легко, словно бы весила она одну унцию, и кладут ее на плечо, и с песнопениями выходят из церкви и направляются к большой площади, и там тот, кто несет ее, ходит с ней от одного конца до другого, и обходит [так площадь] пятьдесят раз, и кажется, что икона поднимает его над землей, причем он теряет сознание и бледнеет, не отрывая глаз от нее; затем он садится, подходит другой, берет ее и кладет себе на плечо, и делает то же самое, так что таким образом четыре или пять человек носят ее в течение того дня. В этот день бывает базар, и приносят туда множество вещей на продажу, и стекается множество людей; клирики берут вату, подносят ее к иконе и раздают ее присутствующим там людям, и с той же самой процессией возвращают они икону на свое место. И за все то время, что был я в Константинополе, не упустил я ни одного дня, чтобы побывать там, ибо действительно это – великое чудо.

[176] Есть другой монастырь, называемый Пантократор¹², принадлежащий монахам ордена святого

ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг. / Под ред. Срезневского И. И. СПб., 1881, с. 84).

¹⁰ Кинтал – кастильская мера веса, равная 46 кг.

¹¹ В Кастилии XV в. был распространен особый способ охоты на куропаток. Человек надевал на себя бычью голову, а сам полностью заворачивался в красное одеяние. Позванивая колокольчиком, он медленно подходил к выводку куропаток, которые не боятся быков и имеют обыкновение шнырять у них под ногами. Охотник же постепенно направлял куропаток на тропинку, в конце которой развешивалась большая сеть (*Salvador Miguel N. Otros bueyes que cazan perdices // Medievalismo 3 (1993), p. 59-67*).

¹² Монастырь Христа Пантократора основан Ириной Венгерской (†1124), женой Иоанна II Комнина (1118-1143), незадолго до ее смерти. В этом монастыре были похоронены императоры Иоанн II (†1143), его сын Мануил I (†1180), Мануил II Палеолог (†1425) и его сыновья Феодор (†1448) и

Василия — а в тех краях нет другого ордена¹³, — и он также весь богато украшен золотой мозаикой, и находятся там сосуды, которые были наполнены вином на свадьбе Архитриклина¹⁴, и много других реликвий, и там погребения императоров.

Иоанн VIII (†1448). Церкви монастыря сохранились до наших дней под названием Зейрек-джами.

¹³ Термин «орден св. Василия» (*ordo S. Basilii*) появляется в папских источниках XIII в. и уже в XIV в. становится общеупотребительным. Устав св. Василия Великого (329–378), епископа Кесарии Каппадокийской, действительно был основным уставом общежитийного монашества на христианском Востоке.

¹⁴ Среди реликвий монастыря были сосуды, в которых Христос превратил воду в вино на свадьбе в Кане Галилейской (Ин. 2, 1–10); Архитриклин — неправильно понятое как личное имя греческое слово *αρχιτρικλινο* — распорядитель пира.